

INSPIRIA

Если карты
предсказывают смерть,
хотели бы вы об этом знать?

ЗАТВОРНИКИ

КЭТИ ХЭЙС

БЕСТСЕЛЕР
NEW YORK TIMES

INSPIRIA

Кэти Хэйс

Затворники

Серия «Ток. Таро-триллер»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243480
ISBN 978-5-04-193106-3

Аннотация

Начинающий искусствовед Энн Стилзуэлл приезжает в Нью-Йорк, надеясь провести лето на стажировке в знаменитом музее искусств Метрополитен. Но вместо этого ее направляют в один из его филиалов – Клойстерс, готический музей-замок, известный коллекциями искусства Средневековья и Ренессанса.

Так Энн попадает в узкий круг загадочных исследователей-затворников, изучающих искусство гадания на картах Таро. Поначалу она относится к ним скептически. До тех пор пока не обнаруживает таинственную колоду итальянских карт Таро XV века, по легенде содержащую в себе ключ к предсказанию судьбы. Между коллегами начинается гонка за то, кто первый откроет тайну, а потом в музее находят труп одного из них...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	55
Глава 5	78
Глава 6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Кэти Хэйс Затворники

Katy Hays

THE CLOISTERS

Copyright © 2022 by Katy Hays + Atria Books, a Division of
Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

Обложка А. Рысухиной

Коллаж по мотивам Таро Е. Микаелян

© Смирнова М. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается Эндрю Хэйсу
(и радиостанции «The Cheese»)
Первый день нам дает и последний наш день.
Сенека «Эдип»*

Пролог

Смерть всегда посещала меня в августе. Медленный и изысканный месяц мы превратили в нечто стремительное и жестокое. Это была перемена, быстрая, как карточный фокус.

Я должна была это предвидеть. То, как будет лежать на полу библиотеки тело, то, как будут разрыты сады в поисках улики. Я должна была заметить, как наша зависть, жадность и амбиции ждут, чтобы сожрать нас всех, подобно змее, пожирающей собственный хвост. *Уроборос*. И хотя мне теперь известны темные истины, которые мы скрывали друг от друга тем летом, какая-то часть меня все еще тоскует по Клойстерсу и по тому человеку, которым я была тогда.

Когда-то мне казалось, что все могло пойти по-другому. Что я могла бы отвергнуть или работу, или Лео. Что я могла бы так и не поехать на Лонг-Лейк тем летним вечером. Даже коронер мог бы отказаться от вскрытия. Но у меня никогда не было подобного выбора. Теперь я это знаю.

В последнее время я много думаю об удаче. Удача. *Luck*. Возможно, от средневерхненемецкого *glück*, означающего везение или счастливый случай. Данте называл Фортуны *ministra di Dio*, служительницей Бога. На самом деле Фортуна – просто старомодное слово, обозначающее судьбу. Древние греки и римляне всё делали в угоду судьбе. Они строи-

ли храмы в ее честь и связывали свою жизнь с ее капризами. Они обращались к сивиллам и пророкам. Они рассматривали внутренности животных и изучали предзнаменования. Даже Юлий Цезарь, как говорят, перешел Рубикон только после того, как бросил пару игральные кости. «*Iacta alea est*» – жребий брошен. От этого броска зависела вся дальнейшая судьба Римской империи. По крайней мере, Цезарю в тот раз повезло.

Что если вся наша жизнь – то, как мы живем и умираем, – уже определена за нас? Хотели бы вы знать исход, если бы бросок костей или расклад карт мог подсказать его вам? Может ли жизнь быть настолько прозрачной, настолько тревожной? Что если все мы просто Цезари? Ждем удачного броска, отказываясь видеть, что ждет нас в мартовские иды¹...

Поначалу было легко пропустить предзнаменования, которые преследовали Клойстерс тем летом. Сады, всегда изобилующие полевыми цветами и травами, терракотовые горшки с лавандой, яблоня сорта «Криппс Пинк», цветущая сладким белым цветом. Из-за жары наша кожа постоянно была влажной и покрасневшей. Неизбежное будущее, которое нашло нас – не мы нашли его. Неудачный бросок. Я могла бы это предвидеть, если б только, подобно грекам и римлянам, знала, что искать.

¹ В наши дни мартовские иды наиболее известны как дата, в которую в 44 году до нашей эры был убит Юлий Цезарь.

Глава 1

Я прибыла в Нью-Йорк в начале июня: в тот самый период, когда жара нарастала, накапливаясь в асфальте, отражаясь от стекол, – пока не достигала пика, который не спадал до самого сентября. Я направлялась на восток, в отличие от многих других выпускников моего класса в Уитман-колледже, которые ехали на запад, в Сиэтл и Сан-Франциско, иногда в Гонконг.

Правда заключалась в том, что я ехала на восток отнюдь не в то место, на которое рассчитывала изначально, – например, не в Кембридж или в Нью-Хейвен, или хотя бы в Уильямстаун. Но когда пришли электронные письма от заведующих кафедрами, в которых повторялись такие фразы, как «мы очень сожалеем... конкурсный отбор кандидатов... желаем удачи в будущих начинаниях...», – я была благодарна за то, что хоть одна заявка принесла положительный результат: летняя партнерская программа в Музее искусств Метрополитен. Я знала, что это было одолжение моему почетному научному руководителю, Ричарду Линграфу, который когда-то был одним из светил Лиги плюща², пока непогода на Восточном побережье – или сомнительные события в его

² Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных на северо-востоке США; самые престижные учебные заведения страны.

альма-матер? – не заставили его уехать на запад.

Они называли эту программу «партнерской», но на самом деле это была стажировка с мизерной стипендией. Для меня это не имело значения; я бы работала на двух работах и заплатила бы им за то, чтобы оказаться там. В конце концов, это был музей Метрополитен! Это была та престижная практика, в которой нуждались такие, как я – выходцы из неизвестной школы.

Впрочем, Уитман-колледж был не таким уж неизвестным. Но поскольку я выросла в Уолла-Уолла, пыльном одноэтажном городке на юго-востоке Вашингтона, где находился Уитман-колледж, мне практически не попадались жители других штатов, знавшие о его существовании. Все мое детство прошло в этом колледже, и постепенно его волшебство рассеялось. Если другие студенты приезжали в кампус с радостью, чтобы вступить во взрослую жизнь, то я не имела возможности начать все с чистого листа. Это было связано с тем, что оба моих родителя работали в Уитман-колледже. Моя мама – в столовой, где она составляла меню и планировала тематические вечера для студентов первого курса, обитавших в общежитиях: баскский вечер, эфиопский, асадо³... Если б я проживала в кампусе, она могла бы планировать и мое питание, но финансовая льгота, которую Уитман-колледж предоставлял сотрудникам, распространялась только

³ Асадо – блюдо из жареного мяса, распространенное в Аргентине, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадоре, Парагвае, Перу, Уругвае и Венесуэле.

на оплату обучения, поэтому я жила дома.

Мой отец, однако, был лингвистом – хотя и не числился на кафедре. Самоучка, бравший книги из библиотеки Пенроуз в Уитман-колледже, он научил меня различать шесть латинских падежей и разбирать сельские итальянские диалекты, и все это в перерывах между своими рабочими сменами в колледже. То есть до того, как летом перед моим выпускным классом он попал под машину и был похоронен рядом с моими бабушкой и дедушкой, за лютеранской церковью на окраине города. Отец так и не рассказал мне, откуда у него любовь к языкам, – только говорил, как он благодарен за то, что я разделяю ее.

– Твой отец гордился бы тобой, Энн, – сказала Пола.

Это был конец моей смены в кафе, где я работала: Пола, хозяйка кафе, наняла меня почти десять лет назад, когда мне было пятнадцать. Помещение было длинным и узким, с потемневшим жестяным потолком, и мы оставили входную дверь открытой, надеясь, что свежий воздух прогонит задержавшиеся запахи ужина. Время от времени по широкой улице снаружи проползала машина, ее фары рассекали темноту.

– Спасибо, Пола.

Я отсчитывала чаевые на стойке, изо всех сил стараясь не обращать внимания на красные рубцы, образовавшиеся на предплечье. Обеденная суета – более бурная, чем обычно, из-за выпускного в Уитман-колледже – заставила меня ста-

вить тарелки, горячие от саламандры⁴, прямо на руку. Путь из кухни в столовую был достаточно долгим, а керамика обжигала руку при каждой ходке.

– Знаешь, ты всегда можешь вернуться, – сказал бармен Джон, отпустил ручку крана и передал мне пивной стакан. Нам разрешалось выпить только одну порцию пива за смену, но это правило соблюдалось редко.

Я разгладила последнюю долларовую купюру и сложила деньги в задний карман.

– Знаю.

Но я не хотела возвращаться. Призрак моего отца, так необъяснимо и внезапно погибшего, словно витал над тротуарами в кварталах, обрамлявших центр города, даже над побуревшим пятачком травы перед кафе. Те способы спасения, на которые я полагалась – книги и исследования, – больше не позволяли мне уйти от этого ощущения достаточно далеко.

– Даже если осенью нам не понадобится персонал, – продолжал Джон, – мы всё равно возьмем тебя на работу.

Я пыталась подавить панику, которую испытывала от перспективы вернуться в Уолла-Уолла осенью, и тут услышала позади себя слова Полы:

– Мы закрыты.

Я оглянулась через плечо на входную дверь, где собралась

⁴ Саламандра – кухонный прибор, нагревательные элементы в котором размещены сверху, а тепло распространяется сверху вниз.

толпа девушек; одни читали меню в тамбуре, другие протискивались в раздвижную дверь, отчего табличка «Закрыто» шлепнулась о дерево.

– Но вы всё еще подаете, – заявила одна из них, указывая на мое пиво.

– Извините. Закрыто, – подтвердил Джон.

– Да ладно, – фыркнула другая девица. Их лица порозовели от теплого алкогольного румянца, но я уже представляла, чем закончится эта ночь: черными пятнами под глазами и синяками на ногах – тут и там. За четыре года в Уитман-колледже у меня никогда не было такой ночи – только кружки пива и обожженные предплечья.

Пола остановила их, раскинув руки в стороны, и вытолкнула обратно за дверь, а я снова переключила внимание на Джона.

– Ты их знаешь? – спросил он, небрежно вытирая деревянную стойку.

Я покачала головой. В колледже было трудно завести друзей, если ты единственный студент, не живущий в общежитии. Уитман-колледж в этом отношении отличался от государственных школ, где такие вещи были обычным делом. Это был маленький гуманитарный колледж; маленький, дорогой гуманитарный колледж, где все жили в кампусе или, по крайней мере, начинали в нем свой первый учебный год.

– В город стекается народ. Ты ждешь выпускного?

Джон посмотрел на меня выжидающе, но я в ответ лишь

пожала плечами. Я не хотела говорить ни об Уитман-колледже, ни о выпускном. Просто хотела забрать свои деньги домой и надежно спрятать их вместе с другими накопленными чаевыми. Весь год я работала пять вечеров в неделю, даже брала дневные смены, когда позволял график. Если я не была в библиотеке, то находилась на работе. Я знала, что переутомление не поможет мне избавиться от воспоминаний об отце или отрицательных ответах на запросы, но оно притупляло остроту реальности.

Мама никогда ничего не говорила о моем графике или о том, что я прихожу домой только спать, но она была слишком занята своим собственным горем и своими собственными разочарованиями, чтобы обсуждать мои.

– Вторник – мой последний рабочий день, – сказала я, отстранившись от барной стойки и осушив то немногое, что осталось в моем стакане, после чего перегнулась через стойку и поставила его на полку для посуды. – Осталось всего две смены.

Пола подошла ко мне сзади и обвила руками мою талию, и, как бы мне ни хотелось, чтобы скорее наступил вторник, я позволила себе прижаться к ней, прислонив голову к ее плечу.

– Ты ведь знаешь, что он никуда не ушел, верно? Он может видеть, как ты живешь.

Я не верила ей; я не верила никому, кто говорил мне, что существует некая магия или логика, – но все равно заставила

себя кивнуть. Я уже поняла, что никто не хочет слышать о том, что такое потеря на самом деле.

* * *

Через два дня я надела голубую полиэстеровую мантию и получила свой диплом. Моя мама присутствовала там, чтобы сфотографировать церемонию и посетить вечеринку кафедры истории искусств, которая проходила на мокрой лужайке перед полуготическим Мемориальным зданием, самым старым в кампусе Уитман-колледжа. Я всегда остро ощущала, насколько молодым было это здание, построенное в 1899 году, по сравнению со зданиями в Гарварде или Йеле. Методистская церковь в Клакато, скромное строение, возведенное в 1857 году и обшитое деревянными планками, была самым старым зданием, которое я когда-либо видела лично. Возможно, именно поэтому меня так притягивало прошлое – в юности оно было от меня слишком далеко. Восточный Вашингтон представлял собой в основном пшеничные поля и зернохранилища, серебряные силосные башни, которые никогда не демонстрировали свой возраст.

На самом деле за четыре года учебы в Уитман-колледже я была единственной студенткой факультета Раннего Возрождения. Удалившись на безопасное расстояние от деяний таких знаменитых художников, как Микеланджело и Леонардо, я предпочитала изучать второстепенных деятелей и забы-

тых творцов, носивших такие имена, как Бембо или Косса, прозвища вроде «Грязный Том» или «Косоглазый». Я изучала герцогства и дворы, но не империи. Дворы, в конце концов, были восхитительно ограниченными и увлекались самыми необычными вещами – астрологией, амулетами, шифрами: вещами, в которые я сама не могла поверить. Но мое увлечение ими также означало, что я часто проводила время одна: в библиотеке или на самостоятельных занятиях с профессором Линграфом, который опаздывал на наши встречи как минимум на двадцать минут, если вообще вспоминал о них.

Несмотря на непрактичность всего этого, затерянные грани эпохи Возрождения привлекали меня своей позолотой и пышностью, верой в магию, представлениями о власти. То, что в моем собственном мире не было всего этого, облегчало выбор. Однако когда я начала думать об аспирантуре, меня предупредили, что моя работа заинтересует очень немногие факультеты. Она была слишком периферийной, слишком маленькой, недостаточно амбициозной и широкой. Уитман-колледж призывал своих учеников пересмотреть предметную сетку, заняться экокритицизмом, исследовать мультисенсорность человеческого восприятия. Временами я задавалась вопросом, а не выбрали ли меня те вещи, которые я изучала – никому не нужные предметы, – лишь потому, что я была бессильна отказаться от них.

Стоя в тени, моя мама двигала руками по кругу; ее сереб-

ряные браслеты звенели, когда она разговаривала с кем-то из других родителей. Я оглядела собравшихся в поисках белых волос Линграфа, но было ясно, что он не пришел на вечеринку.

Хотя мы проработали вместе изрядную часть этих четырех лет, он редко появлялся на факультетских мероприятиях и почти не рассказывал о своих исследованиях. Никто не знал, над чем он трудится сейчас и когда наконец перестанет появляться в кампусе. В некотором смысле работа с Линграфом считалась обузой. Когда другие студенты и даже преподаватели узнавали, что он консультирует меня, они часто спрашивали, уверена ли я, что это правильно: он крайне редко брал студентов. Но это было именно так. Линграф подписал мою дипломную работу, бланки о прохождении специализации, рекомендательные письма – всё. И это несмотря на то, что он отказывался быть частью сообщества Уитман-колледжа, предпочитая вместо этого работать в своем кабинете. Он неизменно закрывал дверь, чтобы никто не отвлекал его, и всегда убирал свои бумаги в ящик, когда кто-нибудь приходил.

Когда я закончила осмотр праздничной толпы, ко мне подошел Мика Яллсен, сокурсник-выпускник.

– Энн, – сказал он, – я слышал, что этим летом ты собираешься быть в Нью-Йорке.

Мика вырос, деля свое время между Куала-Лумпуром, Гонолулу и Сиэтлом. Такой изнурительный график путеше-

ствий требовал личного самолета или как минимум жилья первого класса.

– Где ты будешь жить?

– Я нашла квартиру в Морнингсайд-Хайтс.

Он взял кубик чеддера с бумажной тарелки. Уитман-колледж никогда не тратил деньги на кейтеринг, и я была уверена, что подносы с закусками готовил отдел моей матери.

– Это только на три месяца, – добавила я.

– А после? – поинтересовался Мика, жуя.

– Пока не знаю, – ответила я.

– Я бы хотел взять свободный год, – сказал он, задумчиво перекидывая зубочистку во рту.

Мика был принят в аспирантуру Массачусетского технологического института по истории, теории и критике, одну из самых престижных в стране. Но я могла представить, что его свободный год сильно отличался бы от моего собственного.

– Я с радостью поступила бы сразу, – заметила я.

– Просто в наши дни так трудно найти место для изучения Раннего Возрождения, – сказал он. – Наша культура изменилась. Это, конечно, к лучшему.

Я кивнула. Это было проще, чем возражать. В конце концов, это была знакомая фраза.

– Но, тем не менее, нам нужны люди, чтобы продолжать работу прошлых поколений. И это хорошо, когда ты чем-то интересуешься, увлекаешься... – Он откусил еще от одного

кубика сыра. – Однако тебе также следует подумать о тенденциях.

Я была из тех людей, для которых тенденции всегда были чем-то непостижимым. К тому времени, когда мне казалось, что я их уловила, они уже ускользали от меня. Меня привлекало в академической среде то, что она казалась мне местом, где я могу быть блаженно свободна от тенденций, где можно обосноваться в какой-то теме и никогда ее не покидать. Линграф издавал книги только о художниках Равенны; ему даже не приходилось забираться в Венецию.

– Сейчас эти вещи имеют значение, – говорил Мика. – Тем более что в пятнадцатом веке не так уж много нового, верно? На данный момент это довольно хорошо изученная территория. Никаких новых открытий. Если только кто-то не попытается переатрибутировать Мазаччо⁵ или что-то в этом роде. – Он рассмеялся и воспользовался этим, чтобы перейти к другому, более полезному разговору. Его советы были даны, его обязательства выполнены. *Вот, Энн, позволь мне рассказать тебе, почему пришли эти отказы.* Как будто я и так не знала.

* * *

– Тебе нужна помощь? – Мама прислонилась к дверному

⁵ Мазаччо (1401–1428) – итальянский живописец, крупнейший мастер флорентийской школы, реформатор живописи эпохи Раннего Возрождения.

косяку моей спальни, где я вытаскивала груды книг из книжного шкафа и складывала их на пол.

– Всё в порядке, – отозвалась я. Но мама все равно вошла в мою комнату, заглянула в коробки, которые я упаковывала, и открыла ящики моего старенького комода.

– Почти ничего не осталось, – произнесла она так тихо, что я ее едва слышала. – Ты уверена, что не хочешь оставить здесь некоторые вещи?

Если я когда-либо и ощущала себя виноватой в том, что оставляю ее одну в Уолла-Уолла, то чувство самосохранения отодвинуло эти ощущения на второй план. Даже когда отец был жив, я считала свое пребывание в этой комнате временным. Я хотела увидеть места, которые видела в книгах из библиотеки Пенроуза, приносимых им домой, – *кампанильи*⁶ Италии, обдуваемое всеми ветрами побережье Марокко, сверкающие небоскребы Манхэттена. Места, в которые я могла позволить себе путешествовать только посредством чтения.

Ко дню своей смерти мой отец говорил на десяти языках и мог читать как минимум на пяти исчезнувших диалектах. Язык был его способом выйти за пределы четырех стен нашего дома, за пределы собственного детства. Я сожалела, что его не было сейчас рядом: чтобы он увидел, как я делаю то, чего он всегда хотел больше всего. Но моя мать боялась путешествий – самолетов, незнакомых мест, самой себя, – по-

⁶ Кампанилья – колокольня (*ит.*).

этому отец обычно предпочитал оставаться с ней, рядом с домом. Я не могла не задаться вопросом: если б он знал... если б он только знал, что умрет молодым, неужели из всех сил не попытался бы увидеть еще что-нибудь?

– Я хочу быть уверена, что ты сможешь сдать комнату, если понадобится. – Я закончила наполнять коробку книгами, и звук скотча заставил нас обеих вздрогнуть.

– Я не хочу, чтобы здесь жил кто-то еще.

– Когда-нибудь, возможно, захочешь, – мягко возразила я.

– Нет. Почему ты такое говоришь? Где ты поселишься, если я сдам твою комнату? Как смогу с тобой видаться, если ты не будешь приезжать сюда, не будешь возвращаться?

– Ты всегда можешь приехать ко мне в гости, – рискнула предложить я.

– Я не могу. Ты знаешь, что не могу.

Я хотела поспорить с ней, посмотреть на нее и сказать, что она может. Она может сесть в самолет, и я буду ждать ее на другом конце рейса, но я знала, что это того не стоит. Она никогда не приехала бы ко мне в Нью-Йорк, а я не могла остаться. Если б я осталась... я знала, как легко увязнуть в здешней трясине, как увязла она.

– Я все еще не понимаю, почему ты вообще хочешь туда поехать. В такой большой город! Здесь тебе жилось бы гораздо лучше. Здесь люди знают тебя. Знают нас.

Это был хорошо знакомый мне разговор, но я не хотела проводить свой последний вечер в этом доме так, как мы

провели много вечеров после смерти моего отца.

– Все будет хорошо, мама, – сказала я, не озвучивая вслух то, что говорила сама себе. *Должно быть хорошо.*

Мама взяла книгу, лежавшую на углу кровати, и пролистала ее страницы. В моей спальне хватало места только для одного книжного шкафа и комода, а кровать стояла у стены.

– Я и не думала, что у тебя их так много, – заметила она.

Книги занимали больше места, чем моя одежда. И так было всегда.

– Издержки профессии, – отозвалась я, чувствуя облегчение от того, что она сменила тему.

– Хорошо, – сказала мама, отложив книгу. – Думаю, тебе уже пора заканчивать сборы.

И я закончила их, втиснув книги в коробки для отправки по почте и застегнув молнию на дорожной сумке. Затем залезла под кровать и нащупала картонную коробку, в которой хранила свои чаевые. Положив ее на колени, ощутила вес денег.

Завтра я буду в Нью-Йорке.

Глава 2

– Боюсь, этим летом мы не сможем предоставить вам работу в музее Метрополитен, – сказала Мишель де Форте.

Мы сидели в ее кабинете, на моей блузке все еще висел бейджик с названием моего отдела и именем – Энн Стилвелл.

– Как вы знаете, вас направили работать у Карла Герберга. – Она говорила ровно и четко – это не был акцент какого-либо конкретного штата, такую речь ставят только в лучших учебных заведениях. – Он готовил выставку работ Джотто, но его затребовали в Бергамо, и ему пришлось неожиданно уехать.

Я попыталась представить себе работу, с которой меня могли бы вызвать в Бергамо по первому требованию, а затем работодателя, который позволил бы мне уехать без дальнейших объяснений. И в том, и в другом случае у меня ничего не получилось.

– Ему может понадобиться несколько недель, чтобы закончить все необходимые дела. Все это означает, что, как ни жаль, но у нас нет для вас работы.

Мишель де Форте была начальницей отдела кадров музея Метрополитен. В то утро, как только я пришла на вводный инструктаж, она отозвала меня в сторону и увела из комнаты, где на столах были расставлены кофейники с горячим ко-

фе и вазочки с сахарным печеньем, в свой кабинет и усадила в пластиковое кресло. Свой рюкзак мне пришлось положить на колени. Мишель де Форте смотрела на меня с другой стороны стола поверх синих люцитовых очков, сползших ей почти на самый кончик носа. Ее палец, тонкий и сухой, как птичий коготь, ритмично постукивал по краю стола.

Если она и ожидала от меня какого-то ответа, то я не знала, что сказать. Похоже, я оказалась досадной ошибкой в их летнем расписании. Административной накладкой.

– Вы сами понимаете, Энн, что положение неприятное.

Я попыталась сглотнуть, но в горле пересохло. Я только и могла, что моргать и стараться не думать о своей квартире, о нераспечатанных коробках с книгами, о других сотрудниках, которым разрешат остаться.

– На данный момент все остальные должности в нашем отделе заняты. У нас нет нужды дублировать существующий штат по эпохе Возрождения, а для работы в тех областях, где требуются сотрудники, вы, честно говоря, не квалифицированы.

Она была не грубой, просто прямолинейной. Всё по сути. Она сопоставляла потребности отдела с моим наличием – теперь, увы, совершенно излишним. Через стеклянные стены ее офиса было видно, как в двери вливается ручеек сотрудников: одни с закатанными штанинами, в велосипедных шлемах, другие с потрепанными кожаными сумками и ярко-красными губами – и почти у каждого в руках был стакан-

чик с кофе. Я все утро перебирала те немногие вещи, которые взяла с собой, прежде чем остановилась на чем-то разумном и профессиональном: хлопчатобумажная блузка на пуговицах и серая юбка с теннисными туфлями. На моем бейджике можно было бы написать «Эконом-класс».

Мысленно я соотнесла потерю стипендии от Метрополитен-музея и свои накопленные чаевые. По моим расчетам, у меня было достаточно денег, чтобы прожить в Нью-Йорке до середины июля, плюс всегда оставался шанс найти другую работу – любую. Не было необходимости сообщать маме новости. Теперь, когда я оказалась здесь, то для того, чтобы заставить меня уехать, потребуется нечто большее, нежели увольнение, о котором мне сообщила Мишель де Форте. Слова «я понимаю» уже были готовы сорваться у меня с языка, я уперлась ладонями в края кресла, намереваясь встать, – и тут раздался стук в стекло у меня за спиной.

Какой-то мужчина, приложив обе ладони раструбом к стеклу, смотрел на нас. Он встретился со мной взглядом, затем толкнул дверь и вошел, наклонившись, чтобы не удариться головой о верхнюю часть рамы.

– Патрик, будьте добры, подождите немного. Мне нужно разобраться с этим.

«Этим» была я.

Не обращая внимания на слова Мишель, Патрик опустил-ся в соседнее со мной кресло. Я украдкой взглянула на его профиль: загорелое лицо, морщинки вокруг глаз и рта, какие

образуются только от частых улыбок, борода, присыпанная сединой. Он был старше меня, но стариком его нельзя было назвать: ему было то ли около пятидесяти, то ли чуть больше того. Симпатичный, хотя и не красавчик. Он протянул мне руку, и я пожала ее. Его ладонь была сухой и мозолистой, приятной на ощупь.

– Патрик Роланд, – представился он, даже не взглянув в сторону Мишель, – куратор в Клойстерсе.

– Энн Стилзуэлл, практикантка на лето в отделе Возрождения.

– А. Очень хорошо. – Патрик улыбнулся с затаенной хитрецей. – Какой именно части Возрождения?

– Феррара, отчасти Милан.

– Специализировались на чем-либо конкретном?

– В последнее время на небесном своде, – ответила я, вспоминая о своей работе с Линграфом. – Астрология эпохи Возрождения.

– Значит, малоисследованное Возрождение...

То, как он искоса поглядывал на меня – ко мне была обращена половина его лица, но при этом на меня было направлено все его внимание, – заставило меня на некоторое время забыть о том, что мы находимся в кабинете персоны, собирающейся меня уволить.

– Нужна незаурядная смелость, чтобы работать в сфере, где по-прежнему требуется проводить время в архивах, – отметил Патрик. – В сфере, где большинство материалов еще

не переведено. Впечатляет.

– Патрик... – снова попыталась встрять Мишель.

– Мишель, – Патрик свел ладони перед собой и повернулся к ней лицом, – у меня плохие новости. – Он подался вперед и передал ей свой телефон через стол. – Майкл уволился. Без предупреждения. Он устроился на работу в отдел культуры и искусства какой-то технологической компании. Судя по всему, он уже на пути в Калифорнию. Прислал мне письмо по электронной почте еще на прошлой неделе, но я увидел его только сегодня утром.

Мишель читала на телефоне Патрика заявление упомянутого Майкла об увольнении – ну, как я полагала, – периодически перелистывая его вверх-вниз.

– У нас и до этого не хватало сотрудников. Как вы знаете, мы не смогли найти подходящего помощника куратора, и Майкл взял на себя эту роль. Хотя его ни в коем случае нельзя было назвать квалифицированным специалистом. В результате Рейчел приходится выполнять двойную работу, и я беспокоюсь, что мы слишком много на нее нагружаем. У нас в отделе образования есть несколько дополнительных пар рук, способных помочь, но этого просто недостаточно.

Мишель передала телефон обратно Патрику и водрузила на стол стопку бумаг.

– Я надеялся, что Карл сможет помочь нам в течение нескольких недель, пока мы не найдем кого-нибудь, – резюмировал Патрик.

На протяжении всего разговора я сидела тихо, надеясь, что если не буду шевелиться, то Мишель забудет о моем присутствии, забудет, что просила меня уйти.

– Карл уехал на лето в Бергамо, Патрик, – сказала Мишель. – Мне очень жаль. У нас нет никого на примете. Клойстерсу придется самому разбирать свои проблемы. Мы и так расщедрились, предоставив вам бюджет на оплату должности Рейчел в течение года. А теперь, если вы не возражаете... – Она кивком указала на меня.

Патрик откинулся на спинку кресла и окинул меня оценивающим взглядом.

– Вы можете прислать ее ко мне? – спросил он, ткнув большим пальцем в мою сторону.

– Не могу, – ответила Мишель. – Энн намерена покинуть нас до конца лета.

Патрик облокотился на подлокотник своего кресла; его плечо было так близко ко мне, что я чувствовала жар его тела. Только через мгновение я поняла, что затаила дыхание.

– Не хотите ли поработать у нас? – спросил он. – Только не здесь, а в Клойстерсе. Это севернее, вдоль шоссе. Где вы живете? Вам удобно будет ездить оттуда?

– В Морнингсайд-Хайтс, – сказала я.

– Отлично. Прямо рядом с вами проходит маршрут поезда А, и вы можете проехать на нем почти до места. В любом случае, пешком идти меньше, чем через парк.

– Патрик, – вмешалась Мишель, – у нас нет бюджета на

то, чтобы отправить к вам Энн. Ваш практикантский бюджет за летний период ушел на Рейчел.

Он воздел указательный палец, призывая подождать, и достал свой телефон, затем стал прокручивать контакты, пока не нашел нужный номер. На другом конце кто-то взял трубку.

– Алло. Да. Герр Гербер. Послушайте, это важно. Могу я пригласить вашу стажерку... – Он выжидающе посмотрел на меня и щелкнул пальцами.

– Энн Стилзуэлл, – подсказала я.

– Могу я пригласить Энн Стилзуэлл на лето поработать у нас? Как это – кто она? По-моему, она должна была летом проходить практику у вас, Карл, но вы уехали. – Он посмотрел на меня в поисках подтверждения, и я кивнула. Несколько минут они разговаривали по-немецки, пока Патрик не рассмеялся и не передал трубку Мишель.

Она в основном слушала то, что ей говорили, но каждые несколько минут вставляла что-то вроде «только если вы уверены» и «вы потеряете бюджетные деньги». В конечном итоге несколько раз кивнула и произнесла:

– Хорошо... Ну-у-у... Хорошо.

После этих слов Мишель передала телефон обратно Патрику, который громко рассмеялся и повторил слово «чао» два или три раза с дивным произношением.

– Отлично. – Он поднялся из кресла и похлопал меня по плечу. – Идемте со мной, Энн Стилзуэлл.

– Патрик, – запротестовала Мишель, – девушка еще даже не согласилась!

Он взглянул на меня, приподняв одну бровь.

– Да, конечно! – выпалила я.

– Отлично, – повторил Патрик, разглаживая случайную складку на своей рубашке. – А теперь давайте покончим с этим и увезем вас отсюда.

* * *

Пока Мишель объясняла мне, почему я не могу остаться на стажировке, комната наполнилась летними сотрудниками, которые, напротив, *могли* остаться. Говорили, что в эту партнерскую программу отбирают лишь немногих выпускников из лучших школ, и с этими выпускниками работают быстро и негласно, дабы обеспечить их будущие успехи. Когда меня приняли в эту программу, я решила, что произошла ошибка, но к концу того лета узнала, что в жизни редко случаются ошибки.

Штатные сотрудники были вынуждены присутствовать здесь, и хотя они не носили бейджики с именами, я узнала некоторых из них: молодого помощника куратора отдела исламского искусства, прибывшего прямиком из Пенсильванского университета, куратора отдела древнеримского искусства, который часто снимался в сериале о древних цивили-

зациях, выпускаемом PBS⁷. Все красивые, строгие и недоступные вживую. Мой рюкзак, который я держала на весу, показался мне еще более тяжелым, когда я поняла, что все остальные уже избавились от своих сумок.

– Я вернусь через несколько минут, – сказал Патрик. – Возьмите кофе, – он указал на кофейники, – а потом мы отправимся в Клойстерс. – Он осмотрел комнату – его рост позволял ему увидеть всех присутствующих. – Рейчел еще нет. Но я уверен, что вы знаете некоторых других практикантов, верно?

Я собиралась ответить, что не знаю, но Патрик уже отошел, чтобы обнять за плечи пожилого мужчину в поношенном твидовом пиджаке. Я почувствовала, как по моему боку стекает струйка пота, и прижала руку к телу, чтобы остановить ее продвижение.

Именно поэтому я приехала сюда пораньше: чтобы не пришлось вступать в уже начавшийся разговор. Когда ты приходишь первой, у людей не остается выбора, кроме как заговорить с тобой. К тому времени как собралась группа, я уже с удовольствием расположилась бы в кругу таких же ранних посетителей. Вместо этого стояла, цепляясь большими пальцами за лямки рюкзака, и обводила взглядом комнату, пытаясь сделать вид, будто ищу друга. Хотя предполагалось, что это будет приветственный завтрак, на самом деле

⁷ PBS (Public Broadcasting Service, Служба общественного вещания) – некоммерческая служба телевизионного вещания.

он не был первой встречей и знакомством для основной массы присутствующих. Когда я смотрела на людей, разбившихся на группы, на то, как они разговаривали друг с другом, мне становилось ясно, что за последние четыре года у них уже была возможность познакомиться друг с другом разными способами – на симпозиумах и лекциях, на последующих званых ужинах и посиделках с выпивкой. Я придвинулась поближе к одной такой группе, чтобы хотя бы послушать их разговор.

– Я выросла в Лос-Анджелесе, – рассказывала одна девушка, – и это совсем не так, как считают люди со стороны. Все думают, что здесь одни знаменитости, очищение соками и все такое прочее. Но у нас есть и настоящее искусство. И оно процветает.

Люди, собравшиеся в кружок, закивали.

– Честное слово, прошлым летом я работала в галерее Гагосян⁸ в Беверли-Хиллз, и к нам приезжали Дженни Сэвилл⁹ и Ричард Принс¹⁰, которые выступали с лекциями для художников. Но у нас есть не только большие галереи, – продолжала она, потягивая напиток из стеклянного бокала ручной работы.

Я воспользовалась паузой, чтобы протиснуться плечом

⁸ Одна из галерей современного искусства, которой руководит Ларри Гагосян.

⁹ Дженни Сэвилл (1970) – современная британская художница, известная монументальными женскими образами.

¹⁰ Ричард Принс (1949) – американский художник и фотограф.

вперед в круг, и была благодарна, когда девушка слева от меня сделала шаг назад.

– У нас также есть экспериментальные площадки и общественные художественные проекты. Одна подруга даже руководит арт-коллаборацией в области еды и современного искусства под названием «Активные культуры».

Теперь я смогла разобрать имя на бейджике девушки: «Стефани Пирс, современная живопись».

– Когда я прошлым летом был в Марфе... – начал другой участник группы. Но фраза замерла на его устах, потому что Стефани Пирс повернулась к входу, где Патрик увлеченно беседовал с девушкой, чьи волосы были настолько светлыми, что этот оттенок мог быть только натуральным. Девушка посмотрела прямо на меня через всю комнату, затем убрала прядь волос за ухо и что-то негромко сказала Патрику. Что бы он ни ответил, это заставило ее рассмеяться, и глядя, как вздрагивает от смеха ее тело – изящное, худощавое, с намеком на мягкость, – я особенно остро осознавала контраст с моей собственной внешностью.

Будучи юной, я представляла, какой красавицей стану. Думаю, все женщины так делают. Но грудь у меня так и не выросла, а нос слишком выделялся среди прочих черт лица. Мои темные кудри можно было назвать скорее непокорными, чем романтическими, а веснушки, неравномерно разбросанные по лицу и рукам, под летним солнцем восточного Вашингтона делались густо-коричневыми. Единственное, что

было во мне красивого, – это большие, широко расставленные глаза, но их было недостаточно, чтобы компенсировать всю остальную мою невзрачность.

– Это Рейчел Мондрей? – спросила девушка рядом со мной. Стефани Пирс и еще несколько человек из группы закивали.

– Я познакомилась с ней во время встречи перспективных студентов в Йеле, – сказала Стефани. – Она только что окончила университет, но уже почти год работает в Клойстерсе. Она была принята на работу после того, как провела прошлое лето в Италии, в коллекции Карроzza.

– Правда? – спросил кто-то еще из круга.

Коллекция Карроzza была частным архивом и музеем недалеко от озера Комо, и туда можно было попасть только по приглашению. Ходили слухи, что там содержатся некоторые редчайшие экземпляры рукописей эпохи Возрождения.

– Судя по всему, после окончания университета ей предложили работу в штате галереи Карроzza, но она отказалась от этого предложения. – Стефани Пирс посмотрела на меня и добавила: – Ради Гарварда.

Пока Стефани говорила, я наблюдала за Рейчел, идущей через комнату. В Уитман-колледже, конечно, были богатые девушки. Девушки, у родителей которых были частные самолеты и летние дома в Солнечной долине¹¹. Но я никогда не была знакома с этими девушками вживую, только знала о

¹¹ Солнечная долина – известный горнолыжный курорт в штате Айдахо.

них – слухи о невероятной жизни, которую я даже не смела себе представить. Рейчел не нужно было приглашение для того, чтобы присоединиться к нашему кругу, она возникла в нем естественным образом.

– Я не видела тебя с весны, Стеф, – произнесла Рейчел, обводя всех взглядом. – Что ты решила?

– В итоге я выбрала Йель.

– Тебе понравится, – сказала Рейчел с такой теплотой, что ее слова показались искренними.

– Я иду в университет Колумбии, – прошептала девушка рядом со мной.

Я не могла не завидовать окружающим меня людям: их будущее – по крайней мере, на ближайшие несколько лет – было обеспечено, они попадали в ведущие образовательные заведения. На мгновение я забеспокоилась, что кто-нибудь может спросить меня о моих планах на следующий год, но было ясно, что это никого не волнует. Я была рада этому и одновременно стыдилась этого.

– Энн, – обратилась ко мне Рейчел, прочитав имя на моем бейджике. – Патрик сказал мне, что этим летом мы будем работать вместе.

Она прошла через весь круг, чтобы обнять меня. Обнять не вяло, для приличия, а крепко и решительно. Это позволило мне ощутить мягкость ее тела, запах лимона с нотками бергамота и черного чая, исходящий от нее. Ее кожа была прохладной на ощупь, и я снова осознала, насколько замет-

ны потные пятна на моем теле, насколько шершавая на мне одежда. Когда я попыталась отстраниться, Рейчел прижалась ко мне еще на несколько секунд – достаточно надолго, чтобы я испугалась, что она ощутит тревожный жар, исходящий от моего тела.

Все стоящие в кругу оценивали этот жест знакомства, как оценивают работу скаковой лошади под управлением нового жокея.

– Мы будем работать там только вдвоем, – сказала она, наконец отстранившись. – Больше никто и никогда не приходит в Клойстерс. Но это хорошее место для одиночества.

– Я думала, ты специализируешься по Возрождению, разве нет? – спросила Стефани, ища подтверждения на моем бейджике.

– Да, но это как раз то, что нам нужно, – отозвалась Рейчел. – Так что Патрик позаботился о том, чтобы мы забрали Энн. Украли ее у вас из Метрополитен.

Я была признательна за то, что мне не пришлось объяснять свою ситуацию более подробно.

– Ну, тогда пойдем, – сказала Рейчел, протянув руку и ущипнув меня за плечо. – Нам пора идти.

Я прижала руку к уязвленному месту, и, несмотря на жар и боль, пробежавшую вдоль ключицы, с удивлением обнаружила, что мне нравится все это – внимание, щипок и тот факт, что я не буду находиться здесь, со Стефани Пирс. И всё благодаря тому, что я решила посидеть в кабинете Ми-

шель чуть дольше – достаточно долго, чтобы Патрик прошел мимо и постучал в стеклянную дверь.

Глава 3

Вряд ли я когда-нибудь забуду, как прибыла в тот июньский день в Клойстерс. Позади нас осталась суeta Музейной мили – той части Пятой авеню, где были расположены музеи Фрик, Метрополитен и Гуггенхайм; она была забита экскурсионными группами и ожидающими такси, детьми из лагерей отдыха и ранними посетителями, которые восхищенно рассматривали мраморные фасады. Впереди нас зеленели деревья и лужайки парка Форт-Трайон на северной окраине города. Когда музей только-только появился в поле зрения, я наклонилась в сторону противоположного окна машины, едва не падая на колени Рейчел, чтобы получше рассмотреть его; мне и в голову не приходило изображать безразличие. Мы как будто выехали за пределы города, свернув на необозначенный съезд и оказавшись под колышущейся сенью резных кленовых листьев. Дорога к Клойстерсу, извиваясь, вела вверх по пологому холму, и нашим взорам в просветах между стволами деревьев открылась серая каменная стена, заросшая мхом и плющом. Над кронами возвышалась квадратная колокольня с узкими романскими окнами. Я никогда не была в Европе, но представляла, что тамошние древние здания выглядят примерно так: мрачные, каменные, в готическом стиле. Созданные, дабы напоминать, как недолговечно человеческое тело и как прочен камень.

Я знала, что Клойстерс, как и многие другие учреждения, был создан Джоном Д. Рокфеллером-младшим. Сын нефтяного магната превратил шестьдесят шесть акров никому не нужной земли и небольшую коллекцию средневекового искусства в полную копию средневекового монастыря. Остатки полуразрушенных аббатств и приорств двенадцатого века были привезены сюда в 1930-е годы из Европы и восстановлены под присмотром архитектора Чарльза Колленса. Здания, оставленные на произвол судьбы, непогоды и войн, были собраны заново из отдельных камней и получили новую жизнь в Новом Свете – были восстановлены целые часовни XII века, мраморные колоннады отполированы до первоначального блеска.

Я последовала за Патриком и Рейчел по вымощенной брусчаткой дорожке, которая огибала заднюю часть музея и проходила под естественным сводом из кустов остролиста, чьи колючие листья и темно-красные ягоды цеплялись за мои волосы. Как в настоящей обители, здесь царила тишина, если не считать звука наших шагов. Мы шли, пока не оказались на вершине крепостной стены, где путь нам преградила большая каменная арка, обрамлявшая черные металлические ворота; я наполовину ожидала, что нас встретит стражник тринадцатого века, облаченный в доспехи.

– Не волнуйтесь, – сказал Патрик. – Ворота нужны, чтобы не пускать посторонних, а не запирают вас внутри.

На грубо отесанных каменных блоках, составлявших фа-

сад здания, я могла различить зарубки от бронзового лезвия топора. Патрик достал ключ-карту и провел ею по тонкому серому пластику, который настолько сливался с древней каменной кладкой, что я его не заметила. В каменной стене притаилась спрятанная маленькая полукруглая дверь, которую Рейчел придерживала открытой; нам пришлось пригнуться, чтобы войти.

– В обычное время вы будете входить через переднюю дверь, но так, как сейчас, интереснее, – пояснил Патрик, остановившись у меня за спиной. – Чем дольше вы здесь пробудете, тем больше обнаружите скрытых проходов и укромных уголков.

По другую сторону двери открывался внутренний дворик, изобиловавший розовыми и белыми цветами, нежными кистями серебристого шалфея. Это был один из зеленых уголков музея, обрамленный галереями-клуатрами, в честь которых он и был назван¹². Здесь царила тишина, которую, казалось, уважали даже насекомые; единственным звуком было тихое жужжание и случайное постукивание наших подошв по известняковому полу. Мне хотелось остановиться и рассмотреть растения, переливающиеся через бортики горшков и клумб, протянуть руку и коснуться каменных стен, опоясывающих пространство, ощутить пальцами реальность это-

¹² Название «Клойстерс» происходит от слова cloister – «крытая галерея», которое по-французски читается как «клуатр»; также с английского cloister переводится как «монастырь», a cloisters – как «затворники», «отшельники».

го мира, который выглядел как сон. Мне хотелось закрыть глаза и вдыхать смесь ароматов лаванды и тимьяна, пока она не вытеснит запах кабинета Мишель де Форте, но Рейчел и Патрик уже шли дальше.

– Обычно, – сказала Рейчел, – любой квадратный средневековый сад, окруженный крытыми проходами, как этот, назывался клуатром. Это клуатр Кукса, названный в честь бенедиктинского монастыря Сен-Мишель-де-Кукса в Пиренеях. Первоначальная планировка сада была создана в восемьсот семьдесят восьмом году от Рождества Христова, и когда были построены клуатры, строители в Нью-Йорке сохранили первоначальную ориентацию на север. У нас есть еще три подобных сада.

Галерею обрамляли мраморные колонны, увенчанные резными капителями, на которых были изображены орлы, расправляющие крылья, львы, присевшие на корточки, и даже русалка, держащая свой хвост. В сводчатых арках между колоннами, за каменным парапетом, стояли горшки с перистыми деревцами. И несмотря на то, что я видела множество фотографий средневековых соборов, я не была готова к ошеломляющим масштабам Клойстерса, к искусной резьбе, к тому, сколько изваянных и нарисованных глаз смотрели на меня, к тому, как камень сохраняет прохладу в саду. Это был целый удивительный мир, который неизменно преподносил сюрпризы, независимо от того, сколько времени ты был с ним знаком.

Я последовала за Рейчел и Патриком через двери в конце клуатра в сам музей. Это помещение представляло собой потрясающий мир средневековья в миниатюре: потолок пересекали деревянные балки тринадцатого века, в стены были вделаны массивные витражи. Ящики, полные золотых изделий, сверкали драгоценными камнями – кроваво-красными рубинами и сапфирами, темными, как море в безлунную ночь. Мое внимание привлекла эмалевая миниатюра – ее цвета были яркими, несмотря на возраст; я изучала ее сквозь витрину, касаясь пальцами края стекла. Я всегда полагала, что эти предметы, такие маленькие по размерам, могут сделать меня больше в сравнении с ними.

– Пойдем, – сказала Рейчел, остановившись, чтобы подождать меня наверху лестничного пролета. Патрик уже скрылся из виду.

Невозможно было удержаться от потрясения при виде шкатулки с драгоценностями, которую представлял собой Клойстерс – он не был похож на музей Метрополитен, где всегда можно было остановить взгляд на чем-то постороннем. Здесь все вокруг было работой. Я была рада, когда лестница привела меня в вестибюль, к главному входу, где посетители получали карты и аудиогиды, указывающие, в каких галереях находятся наиболее известные работы. Вход в Клойстерс, как и в Метрополитен, был бесплатным для жителей Нью-Йорка.

– Мойра, – произнес Патрик, подойдя к женщине, черные

волосы которой были тронуты сединой у висков. – Это Энн. Она приглашена к нам поработать на лето.

– Вы должны знать, – отозвалась Мойра, выходя из-за информационной стойки, – что Лео снова курил в садовом домике. Я почувствовала запах дыма. И если я учуяла это, то и посетители наверняка тоже. Это произошло на территории музея, где курение запрещено! И это уже четвертый раз за месяц.

Патрик отмахнулся от проблем Мойры с ловкостью человека, привыкшего поддерживать мир в стенах учреждения.

– Энн, познакомься с Мойрой, нашим администратором.

– И координатором программы для преподавателей, – добавила она, едва взглянув на меня, прежде чем снова перенести внимание на Патрика.

– Она одна из наших лучших сотрудниц, – дополнил Патрик.

– Я тут подумала, – сказала Мойра, положив руку на рукав Патрика, – что мы могли бы установить датчики дыма в зоне обслуживания сада. Это, возможно...

– Она всегда такая, – шепнула Рейчел, наклонившись к моему уху. – Если ты опоздаешь, знай, что она запомнит, на сколько именно минут ты опоздала.

Было приятно чувствовать себя в заговоре с кем-то, пусть даже на мгновение, ощущать ее горячее дыхание на моей шее, слышать слова, произнесенные этим жарким шепотом.

– Мойра, – сказал Патрик, – мы направляемся в кабинет

службы охраны. Я просто хотел представить вам Энн. Как вы думаете, мы могли бы...

– Поговорить об этом позже?

Патрик кивнул в знак согласия.

– Я попрошу кого-нибудь побеседовать с Лео.

– Проследите, чтобы с ним обязательно побеседовали.

Мы продолжили путь к офису службы безопасности, расположенному за унылой металлической дверью, и там Патрик наконец покинул нас. Но прежде он одарил меня грустной улыбкой и подмигнул. На мгновение мне показалось, будто я заметила, как его рука легла на спину Рейчел, но это произошло так мимолетно – столь же мимолетным было это утро, наше прибытие сюда, наш поход по галереям, – что я не могла быть уверена. Не успела я улыбнуться, как меня уже сфотографировали, выдали ключ-карту, и Рейчел направилась дальше, по коридору, вглубь служебных помещений.

– Ты идешь? – спросила она через плечо, пока я все еще пыталась прицепить ключ-карту к юбке. Я пошла вслед за ней, стараясь не сорваться на бег.

Служебные помещения Клойстерса представляли собой лабиринт каменных проходов и узких сводчатых дверей, тускло освещенный настенными бра, которые были расположены слишком далеко друг от друга, оставляя затененные участки. Рейчел провела меня в отдел образования, где окна в свинцовом переплете, выходящие на Гудзон, были распахнуты настежь. Затем она показала мне кухню для персонала,

которая оказалась на удивление современной и полной бытовой техники из нержавеющей стали – в европейском стиле.

Далее была комната консервации, где команда препараторов¹³ в халатах и белых перчатках была поглощена медленным процессом соскабливания многовекового лака с картины, золотая резная рама которой была снята и отложена в сторону. Затем последовала комната, полная флуоресцентных ламп и ящиков для хранения – «запасники», назвала их Рейчел, – где лежали тысячи небольших произведений искусства, словно научные образцы. Я фиксировала все, что могла: лица, количество дверей между кухней и отделом образования, где я в последний раз видела туалет. И наконец, после того как мы повернули обратно к вестибюлю, Рейчел привела меня в дополнительную комнату, полную плотно сомкнутых стеллажей, поворотные механизмы которых только и ждали, пока кто-нибудь приведет их в действие.

– Хранилища примыкают к библиотеке, туда ведет дальняя дверь, – объяснила Рейчел, – но библиотека, где мы работаем, размещена отдельно от служебных помещений.

Мы прошли через хранилище, резиновые подошвы моих туфель скрипели по мозаичному полу. Рейчел навалилась на тяжелую деревянную дверь, которая вела в библиотеку – длинное помещение с низкими сводами, ребра которых пересекались над огромными дубовыми столами и стульями,

¹³ Подвид реставраторов, подготавливающих предметы для основного этапа реставрации.

обитыми зеленой кожей с большими латунными пуговицами. Так могла бы выглядеть библиотека в каком-нибудь роскошном загородном доме – с витражными окнами и стенами, вдоль которых тянулись заставленные книгами полки. Названия некоторых книг были написаны от руки на тканевых корешках.

– Кабинет Патрика – это вон та дверь в конце. – Рейчел жестом указала на деревянную дверь, украшенную изогнутой железной конструкцией с изображением двух оленей, сцепившихся рогами в схватке. – Но мы с тобой будем работать здесь, в самой библиотеке. В Клойстерсе недостаточно офисных помещений, чтобы разместить нас где-нибудь еще.

Окидывая взглядом библиотеку, я представить себе не могла, как можно захотеть работать в четырех белых стенах обычного офиса, когда есть *такая* возможность. Годами я разглядывала на фотографиях и рисунках не только картины, но и архивы – тускло освещенные комнаты, полные книг и бумаг, материальной истории, которую я отчаянно хотела подержать в руках, увидеть собственными глазами. И вот библиотека Клойстерса предстала передо мной воочию. Правда, здесь не было редких рукописей – хотя их было много в галереях и еще больше хранилось в запасниках, – но это было помещение, полное первых изданий и редких наименований, которое читло мертвых так же истово, как и я, и здесь я чувствовала себя как дома.

Я ощущала, как Рейчел наблюдает за тем, как я все это

воспринимаю. Невозможно было изобразить безразличие, которое она демонстрировала на протяжении всей экскурсии, как будто все это – хранилища с ребристыми сводами и кожаная отделка – было обычным делом. *De rigueur*¹⁴. Я выдвинула стул и поставила на него свой рюкзак.

– Разве ты не хочешь посмотреть коллекцию? – спросила Рейчел. – Это, – она взмахом руки обвела библиотеку, – всего лишь рабочий кабинет.

Рейчел не стала ждать, пока я скажу «да» – возможно, ответ уже был написан на моем лице, – а открыла главные двери библиотеки, и меня мгновенно ослепил солнечный свет.

– Это клуатр Три, – объяснила она.

В центре сада стояло каменное распятие, а вокруг него росло множество полевых цветов, некоторые из которых были такими маленькими и неприхотливыми, что пробивались даже в щели между кирпичами дорожек, опоясывающих сад.

– Этот газон был посажен так, чтобы он напоминал ковер из цветов, какие можно увидеть на гобеленах с единорогами, примерно пятнадцатого века, – поведала Рейчел. – А в дальнем конце есть кафе. Через несколько часов оно откроется на обед. Там отличный кофе и салаты.

– А нам полагается скидка? – спросила я, тут же пожалев об этом.

Рейчел посмотрела на меня, в то время как мы направились к другой двери.

¹⁴ Нормально, в порядке вещей (*фр.*).

– Конечно.

Я позволила себе сделать выдох, осознав, что с момента прибытия в Клойстерс я боялась дышать, опасаясь, что, если я займу слишком много места, меня передумают брать сюда.

– Патрик рассказал мне, как обошлась с тобой Мишель, – сказала Рейчел, понизив голос, когда мы вошли в комнату, высокие потолки которой создавали впечатление средневековой часовни в миниатюре. Витражи из красного стекла отбрасывали розовые блики на пол песочного цвета. – Я не могу поверить, что она могла так поступить. Заставить тебя проделать весь путь из самого... откуда? Из Портленда?

– Из Вашингтона, – ответила я, надеясь, что не покраснела от смущения, вызванного тем, что я поправила ее. Какие-то отличительные черты Рейчел заставляли меня отчаянно жаждать ее одобрения; если б я могла в тот момент сделать так, чтобы я прибыла из Портленда, я бы сделала это. Возможно, дело было в том, как она себя вела, неудержимо продвигаясь вперед. Даже когда один из реставраторов сказал нам, что мы не можем войти, Рейчел просто пожалала плечами, держа дверь открытой, чтобы я могла разглядеть всё – бутылки скипидара и льняного масла объемом в галлон.

– Когда я училась в Спенсе¹⁵, у меня был друг из Рид-колледжа. Саша Захаров.

– Я не знаю никого из Рида. Это довольно далеко от Уитман-колледжа, – ответила я.

¹⁵ Спенс – частная школа для девочек в Нью-Йорке.

– А, понятно.

Рейчел, похоже, ничуть не смутилась из-за своей ошибки, и я задумалась, каково это – быть настолько уверенной в своей позиции, что не имеет значения, слушаешь ли ты поправки своего коллеги. Мы остановились перед двумя каменными гробами, вмурованными в стенные ниши.

– Я хочу, чтобы ты знала, – сказала я, возможно, чересчур взволнованно, – несмотря на то, что я приехала работать в отдел Возрождения, у меня большой опыт изучения Средневековья. И если я чего-то не знаю, то могу выделить время, чтобы научиться.

Я сама не понимала, почему мне так отчаянно захотелось все это высказать. Рейчел не спрашивала, что я изучаю, и не выражала никаких сомнений в моих способностях. Она лишь отмахнулась от моих опасений:

– Я уверена, что у тебя все получится. – Я ничего не ответила, надеясь, что она продолжит. – Патрик никого не берет просто так. – Рейчел внимательно посмотрела на меня, впервые оценивая увиденное, оценивая мои туфли, мою одежду, мои веснушки. – Он наверняка знал, что ты сработаешься с нами.

Мы стояли перед захоронениями, пока посетители толпились вокруг, изучая настенные надписи.

– Ты впервые в Нью-Йорке? – спросила Рейчел, встретившись взглядом со мной.

– Да.

Хотя в тот момент мне хотелось, чтобы это было не так.

– Правда? – переспросила она, скрестив руки на груди. – И какие у тебя первые впечатления?

– Мне кажется, я видела слишком мало, чтобы составить мнение. Я здесь всего три дня.

Первый день я провела, распаковывая чемодан и отмывая липкую грязь со всей посуды и сковородок в моей квартире. На следующий день научилась ездить на метро, которым мне теперь не придется пользоваться – уже не нужно ездить подземкой из центра города до станции «Восемьдесят первая улица» и идти пешком через Центральный парк. Несмотря на то, что Манхэттен был известен своими величественными небоскребами из бетона и стекла, большую часть своего времени я проводила в тенистых парках.

– Но у тебя, наверное, были свои представления о Нью-Йорке до того, как ты приехала сюда?

– Ну да...

Опасения моей матери беззвучно крутились у меня в голове – огромность города, его безликость, моя неспособность справиться с ним.

– И оправдывает ли он их?

– Честно говоря, все совершенно не так, как я думала.

– Таков уж этот город. Он одновременно и то, чем ты его представляешь, и совсем не то, чего ожидаешь. Он может подарить тебе весь мир или отнять его в одно мгновение. – Рейчел улыбнулась мне, посмотрела на мои туфли, которые

скрипели по полу с момента нашего приезда, и направилась в соседнюю комнату, пригласив меня следовать за собой.

— А что ты думаешь о Нью-Йорке? — спросила я, следуя за ней и пытаясь поддержать разговор.

— Я выросла здесь.

— О, я не знала.

— Ничего страшного. Помнишь, я упоминала Спенс? Я думала, ты сложила два и два...

— Я не знаю, что такое Спенс.

— Это, наверное, к лучшему, — сказала Рейчел со смехом. — У всех нас сложные отношения с родными городами.

Мы вошли в комнату со стеклянной витриной, полной эмалевых миниатюр. Блестящие изображения Ионы, проглоченного китом, Евы, кусающей яблоко такого красного цвета, что оно буквально сверкало. Этим маленьким шедеврам было больше восьмисот лет.

Рейчел помахала рукой охраннику, который направлялся к своему следующему посту.

— Когда у Маттео начинается летний лагерь, Луис? — окликнула она его.

Он остановился рядом со своим постом.

— На следующей неделе. Мне кажется, он буквально сводит свою мать с ума. Еще раз спасибо, что присмотрела за ним в прошлую субботу.

Рейчел отмахнулась от него.

— Мы просто гуляли по парку. Провели много времени,

катаясь на лодках.

Я попыталась представить Рейчел в роли няни, но не смогла.

– Он любит лодки, – заметил Луис.

– Я тоже, – сказала Рейчел. – Да, кстати, Луис, это Энн. Она пробудет здесь до конца лета. Луис – глава охраны музея.

Луис подошел к нам и протянул руку.

– Сегодня я просто обхожу галереи.

Я пожала его руку и поздоровалась.

– Нам еще нужно кое-куда заскочить – заявила Рейчел, обхватив мое запястье и уводя меня прочь от Луиса.

Как только мы вышли из комнаты, она прошептала мне на ухо:

– Сын Луиса оказался таким гаденышем! Я согласилась на это только потому, что Луис прикрывает меня перед Мойрой, когда я опаздываю на работу или когда мое курение случайно включает пожарную сигнализацию.

Мы прошли еще один ряд галерей, уже заполненных посетителями, которые вдыхали прохладу темных помещений, где изображения чудовищ смешивались с отрубленными пальцами святых. Меня притягивали эти предметы, их странность. Я остановилась перед реликварием святого Себастьяна: изваянием его торса, выкрашенным в кремовый и красный цвета, с боками, пронзенными стрелами. В маленьком стеклянном ящичке в центре статуи лежала его запяст-

ная кость – или *чьа-то* запястная кость.

Рейчел остановилась у стеклянной витрины с разрисованными картами Таро. На одной был изображен скелет верхом на лошади, украшенный золотыми цепями, – Смерть. На другой был изображен пухлый крылатый ребенок – ангелочек, несущий над головой солнце, золотые лучи которого рассекали карту. Колода была неполной, но на настенной этикетке рядом с ней было указано, что эти карты относятся к концу пятнадцатого века. И хотя они были мне неизвестны, их образы были знакомы – набор символов, которые преследовали меня на периферии моих исследований в течение многих лет. Мне всегда было интересно, но у меня никогда не хватало времени или ресурсов для их изучения.

– Я уже много лет курсирую между Клойстерсом, библиотекой Моргана и Бейнеке, – поведала Рейчел, – изучая историю Таро. Так что я, как и ты, не совсем медиевист. В конце концов, история Таро начинается только в эпоху Возрождения. – Она не удосужилась взглянуть на меня, прежде чем продолжить: – Клойстерс старается придать бóльшую значимость таким произведениям искусства, как это. Там, в Метрополитен-музее, одни знаменитые картины и громкие имена. Но работать в неизвестности и создавать нечто столь изысканное, – она на мгновение прикрыла глаза, – это настоящее искусство.

Мне показалось романтичным то, как она говорила о картах: словно прямоугольники раскрашенного пергамента про-

сто дремлют и ждут, пока мы их разбудим. Когда Рейчел открыла глаза, я быстро отвернулась, надеясь, что она не заметит моего пристального взгляда.

– Вот с чем Патрику нужна помощь, – сказала Рейчел, взглянув на карты Таро. – Мы готовим выставку о гаданиях. О методах и произведениях искусства, которые использовались для предсказания будущего.

Я посмотрела на Королеву Жезлов. Она сидела на троне, одетая в темно-синее платье, лиф которого был усеян золотыми звездами, а в руке королева держала жезл с набалдашником. Я рискнула предположить:

– Это был период, когда все были увлечены идеей судьбы.

– Да. Именно так. Предначертана ли твоя судьба? Предопределена ли она? Или ты можешь изменить ее ход?

– И есть ли у тебя свобода воли, чтобы сделать это?

– Верно. Древние римляне так боялись власти судьбы, что поклонялись богине Фортуне. Фортуна – судьба, удача – была центром гражданской, частной и религиозной жизни. Плиний говорил: «Фортуна – единственная из богов, к кому взывают все». Возрождение тоже так и не смогло освободиться от этой навязчивой идеи.

– Потому что, – сказала я, – в период постоянных конфликтов знание будущего или вера в то, что ты можешь его знать, было безумно сильным.

– Эта вера тоже может быть бременем, – сказала Рейчел так тихо, что я едва расслышала ее слова. Затем она отошла

от стеклянной витрины и посмотрела на меня через плечо. —
Ты идешь?

Глава 4

В течение той первой недели в Клойстерсе, наполненной легким стуком послеполуденных дождей, запахом мокрого камня и цветущих трав, Патрик дал понять, сколь многое ожидается от нас – от меня. Его выставка была только на стадии планирования, а это означало, что основная часть исследований – основополагающие материалы, которые требовались Патрику для идентификации произведений искусства и запроса на финансирование, – легла на нас. До конца августа мы должны были всё это собрать, и мне очень хотелось доказать, что я справлюсь. И хотя Патрик неукоснительно соблюдал сроки работы, он одновременно терпеливо знакомил меня с материалами и самим музеем.

– Вот списки, с которыми вы будете работать, – сказал он, положив пачку бумаг и придвинув свое кресло поближе к моему за столом в библиотеке, где мы трудились. – У Рейчел, конечно, уже есть копии.

Я пролистала бумаги. В них содержалось перечисление практик гадания, известных в древнем мире, – от клеромантии, или бросания жребия, до пиромантии¹⁶. Некоторые термины в списке, такие как «авгур», я знала только поверхностно – как определение для кого-то, кто предсказывает бу-

¹⁶ Пиромантия – гадание с использованием огня, в основном жертвенного.

дущее. Однако я выяснила первоначальное значение понятия «авгур»: человек, который по поведению птиц – образованию стай и миграциям – гадает об исходе тех или иных мероприятий. Были списки документов и авторов, которые нужно было взять в библиотеке и просмотреть на предмет упоминаний о гаданиях, а также отдельный раздел с перечнем произведений искусства, рассматриваемых Патриком в качестве материала для выставки. Я отметила, что некоторые из этих произведений были картами Таро.

– Мы будем встречаться раз в неделю, чтобы обсудить ваш прогресс. А пока что Рейчел сможет помочь вам с любыми вопросами.

Я снова пролистала списки. Даже если распределить работу между нами двумя, невозможно было обойти стороной тот факт, что нужно прочесть тысячи страниц, просмотреть сотни произведений искусства, изучить десятки гадательных практик.

– Энн, – сказал Патрик. Он все еще сидел рядом со мной, подлокотники наших кресел соприкасались. Напротив, по другую сторону стола, Рейчел работала над дневниками Джироламо Кардано, знаменитого астролога эпохи Возрождения. Но каждые несколько минут она бросала на нас с Патриком взгляд поверх столешницы из мореного дуба. – Я не приглашаю людей в Клойстерс необдуманно. Мы здесь как одна семья, и ваш успех – это наш успех. Если вы хорошо поработаете здесь этим летом, мы сможем вам помочь.

Я смотрела на Патрика, но краем глаза замечала, что Рейчел наблюдает за нами.

– Чего вы хотите достичь, Энн? Того, в чем мы могли бы помочь вам.

Никогда еще никто не спрашивал меня так прямо о моих целях, не говоря уже о том, чтобы так явно предложить мне помощь в их достижении. Пока я силилась найти правильные слова, Патрик сидел молча, сложив руки на коленях, и следил за каждым моим движением.

Наконец я произнесла:

– Я здесь, потому что хочу стать ученым.

В конце концов, это была правда. И более приемлемая, чем другие истины, которыми я не была готова поделиться: после прошлого года Уолла-Уолла всегда будет напоминать мне о смерти; у меня не было других вариантов; я не была уверена, что смогу выдержать работу, которая требует от меня жить настоящим. И на каком-то уровне я делаю все это ради отца, ради нас с ним.

– Мы можем помочь в этом, – сказал Патрик, развивая свою мысль и намеренно растягивая гласные, чтобы подчеркнуть важность этих слов. – Познакомить вас с нужными людьми. Подготовить нужные рекомендательные письма. Я даже буду рад прочитать вашу работу до того, как вы ее опубликуете, и высказать свои предложения. Но хотя наука – это ценная и важная вещь, она не может быть единственной. Она не обеспечивает нас. Не обеспечивает в полной мере,

хотя нам этого хотелось бы. Я видел вас в галереях, Энн. То, как вы проводите время над каждой отдельно взятой работой; вы смотрите на эти произведения с любовью, не торопясь. Вы больше чем ученый.

Я видела: Патрик знает, как общаться с людьми без приятной поверхностности. В том, как он говорил и как наблюдал, чувствовалась определенная жесткость, но при этом он был неизменно вежлив и всегда заботился о чувствах собеседника. Поэтому, хотя я ощущала, что он проникает за маску профессионализма, которую я хотела создать, это не вызывало дискомфорта. Я чувствовала облегчение, когда выкладывала ему все начистоту. Как и в разговорах с Рейчел. И, конечно, он был прав. Все это – музей, экспонаты, магия прошлого, наука – имело значение не только для работы. Это было преобразование, к которому я стремилась. Способ стать кем-то другим.

Прежде чем я успела сказать об этом, он продолжил:

– Знаете, Энн, после того как вы пришли сюда, я решил взглянуть на ваше резюме. Конечно, чтобы убедиться, что мы используем ваши навыки наилучшим образом. И я был очень удивлен. Вы пишете, что выросли в Уолла-Уолла?

– Да.

– Но при этом знаете шесть языков?

– Семь, – поправила я. – Хотя три из них – мертвые. Формально я читаю на латыни, древнегреческом и лигурийском диалекте тринадцатого века из Генуи. Я говорю на итальян-

ском, немецком и неаполитанском. И, конечно, на английском.

– Тем не менее это примечательно.

– В Уолла-Уолла больше нечем было заняться, – ответила я, пожав плечами. – Кроме учебы. И работы.

Я привыкла приуменьшать то влияние, которое оказало на мою жизнь увлечение отца языками. Разбор давно забытых наречий и изучение их тайных знаков было нашим общим делом, только для нас двоих. Это никак не было связано с продвижением моей карьеры. Или *его* карьеры. И в такие моменты наша с ним любовь к языкам казалась мне секретом, который я стремилась сохранить для себя одной, как бы Патрик ни хотел выведать у меня этот секрет.

– И вы работали с Ричардом, не так ли?

Я никогда не слышала, чтобы кто-то называл моего консультанта по имени, и какое-то время силилась сообразить, кто такой Ричард. Но, конечно, Патрик читал мои документы и видел рекомендательное письмо Ричарда Линграфа.

– Я училась у него. Все четыре года.

– Я знал Ричарда когда-то, давным-давно. Когда я был аспирантом в Пенне, он занимался одной очень смелой работой в Принстоне. Вам повезло, что у вас был такой наставник, как Ричард. Такой любознательный и такой талантливый. – А потом, больше для себя, чем для меня, он сказал: – Я до сих пор удивляюсь, почему он пошел в Уитман-колледж. Какое странное место для него!

– Он всегда говорил, что ему нравится тамошняя погода.

– А, понятно, – произнес Патрик, отрывисто побарабанив пальцами по столу. – Я уверен, что отчасти это правда. – Немного подумав, он добавил: – Я не могу ничего вам гарантировать, Энн. Но если ваша работа будет столь хороша, как я ожидаю, то я не сомневаюсь – Клойстерс поможет вам попасть туда, где вы будете счастливы.

– Спасибо.

Я колебалась. На протяжении всего разговора Рейчел была рядом и слушала. Я хотела бы остановиться на этом, поблагодарить Патрика за его предложение относительно поддержки, но мне нужно было спросить еще кое-что, даже если это сорвет ту личину беззаботности, которую я пыталась поддерживать перед Рейчел с момента прибытия в музей.

– А что будет после окончания этого лета? У меня пока нет работы, но я хотела бы остаться в городе. И здесь, если буду нужна. – Я взглянула поверх стола и встретила взглядом с Рейчел, изо всех сил стараясь держать голову выше, задержать взгляд на ней чуть дольше.

– Посмотрим, как все сложится, – ответил Патрик. – Кто может сказать, что ждет нас в будущем?

Только сейчас я обратила внимание, что Патрик перебирает в пальцах нечто, что он, должно быть, достал из кармана, – отрезок красной ленты. Своего рода привычка, медитация.

Я еще раз просмотрела списки, которые он мне передал.

– Вы нужны нам здесь, Энн. Нам нужна помощь, – произнес Патрик, глядя мне в глаза. – Не забывайте об этом. Вы здесь не ради благотворительности.

Я, кажется, сразу же немного влюбилась в него. То, как он интересовался нашим мнением о его исследованиях, то, как он ценил мои языковые навыки, часто поручая мне делать переводы, будучи полностью уверен в моих способностях... Даже то, как он придерживал для нас дверь и приносил нам кофе после обеда; впервые кто-то из начальства был по-настоящему добр ко мне. И уже сейчас он уделял мне больше внимания, чем большинство парней, которых я знала в колледже. Когда я наконец добралась до чтения его эссе о средневековых календарных системах, меня, наверное, не должно было удивить, что оно оказалось совершенно новаторским, но я удивилась. Я пыталась не краснеть каждый раз, когда он заговаривал со мной, однако мои попытки были тщетными. В те первые дни я пыталась выяснить, был ли у него с кем-нибудь роман. Но единственным свидетельством, которое я видела, была нежная рука на металлической кромке окна со стороны пассажирского сиденья его машины. Только рука, без лица.

* * *

В трубке раздался знакомый высокий голос моей матери:
– Я больше не могу так жить.

Смерть отца выбила ее из колеи. После его гибели жесткая структура нашей повседневной жизни стала более расшатанной: просроченное молоко не заменялось на свежее, наш маленький участок газона зарос, мама перестала менять постельное белье. А потом наступали дни, когда она возвращала всё на круги своя, внезапно закручивая гайки. Но потом они снова ослабевали. Сначала медленно, по дюйму, а затем быстро и безжалостно раскручивались – снова и снова.

Этим дням, дням закручивания гаек, предшествовали дни недовольства матери по поводу состояния дома. «Почему здесь стоят кофейные чашки? Неужели никто ничего не убирает? Как ты можешь ждать, что я буду жить во всем этом?» Только вот от меня она действительно ждала, что я буду жить именно так. Каждый раз, когда я пыталась навести порядок, мама кричала из другой комнаты: «Куда делся стакан для воды?» или: «Почему ты выбросила молоко?» Как будто, оставляя вещи на прежних местах, она могла замедлить время, обуздать его. Но это было самое тяжелое в смерти: неумолимое движение времени вперед, прочь от человека, которого ты потерял.

– Это повсюду, Энн, – продолжила мама, и голос ее сделался выше и резче. – Его вещи. Его рубашки, его одежда, его обувь, его бумаги. Я не могу заниматься этим. Их слишком много. Здесь полный беспорядок. Он оставил после себя беспорядок, понимаешь?

Прижимая телефон к щеке, я одновременно с этим мыла

посуду и вытирала ее единственным посудным полотенцем, которое мне предоставили арендодатели квартиры. Я была слишком бедна, чтобы покупать бумажные полотенца.

– Может, пора передать часть вещей в благотворительный фонд, мам? – Я уже пыталась сделать это раньше. И хотя в момент разговора мама всегда соглашалась, в последующие дни она сдавала назад, оставляя все так, как было в день его смерти. Памятник из наполовину использованного крема для бритья и грязных носков.

– Именно так я и собираюсь сделать. Я собираюсь отдать это. Все это. А остальное выброшу.

– Угу. – Я подошла к своему кондиционеру, который издавал предсмертный скрежет, и сильно ударила его по боку. Удар, похоже, помог – кондиционер стал гудеть тише.

– Я не хочу выслушивать твои жалобы, когда все это исчезнет. Когда ты приедешь домой, всего этого не будет. Я не хочу об этом слышать.

– Ты не услышишь, мама, я обещаю.

Я больше не хотела видеть этот дом.

– Может быть, я пришлю тебе кое-что из вещей в Нью-Йорк. – Теперь мама обращалась в основном сама к себе. – Я даже не знаю, что послать. Это все хлам, понимаешь? Он просто оставил нам хлам. Тебе это действительно нужно? Что ты хочешь? Что-нибудь из этого?

Я подумала о вещах отца и о том, как большую часть времени моя мама ходила среди них, молча и не обращая вни-

мания на их присутствие. Лишь в такие моменты, когда дом, казалось, пугал ее, она замечала его книги, бумаги и одежду, то, как отец все еще обозначал свое бывшее присутствие в нашем доме.

– Конечно, мама. Я возьму кое-что из папиных вещей. Пришли мне все, что, по-твоему, мне понравится, хорошо?

Я слышала, как она на другом конце линии роется в вещах: стекло, бумага, пластик – все это пересыпалось где-то в доме, который когда-то был жильем, а потом стал мавзолеем.

Так было не всегда. Было время, когда дом был полон разговоров, тепла и негромкого отцовского смеха, полон веселья и сюрпризов. Но отец был подобен клею, который заполнял резкие трещины между мной и матерью, сглаживал те части, где мы не подходили друг другу, и без этого клея мы всё время конфликтовали друг с другом – сплошные острые углы и стеклянная хрупкость.

– Мама, мне нужно идти. Уже поздно. У нас времени на три часа больше, чем у вас, помнишь? – Я ждала, что она ответит. Но все, что я слышала, – это шорох, ее непрерывное движение, ее сбивчивое и быстрое дыхание в трубку, и поэтому я оборвала звонок.

* * *

К концу второй недели стало ясно, что, как бы я ни старалась подражать манере Рейчел одеваться и ее добросовест-

ности в обращении со старыми текстами, мне с ней не сравниться. На каждый прекрасно сидящий льняной джемпер, который носила Рейчел, я едва могла подобрать две сочетающиеся между собой вещи. На фоне роскоши ее одежды и аксессуаров все, что было у меня, казалось тусклой имитацией. Даже то деликатное уважение, которое она проявляла по отношению к Мойре и Луису, я не могла изобразить так, чтобы фальшь не была заметна мне самой.

Мне казалось, что, когда посетители музея видят нас вдвоем – а в то лето мы почти всегда были вместе, – они жалуют меня: ее безупречность противостоит моему унынию. А как иначе? Рейчел идет на два шага впереди, Рейчел уверенно направляет в нужную сторону людей, сбившихся с пути, Рейчел передвигается бесшумно, в то время как мои дешевые брюки издают оглушительный шорох каждый раз, когда мы проходим по галереям. И если для меня этот звук был громким, то я не могла не задаться вопросом: замечают ли его другие?

Ситуацию ухудшало то, что обычно, когда я появлялась на работе, на моей рубашке, а иногда даже на брюках виднелись пятна от пота, волосы же противостояли всем моим попыткам уложить их в пристойную прическу. Мой путь на работу был недолгим – Патрик был прав, это было быстрее, чем добираться до Пятой авеню, – но за то время, пока я шла по улицам Морнингсайд-Хайтс по пути к поезду А, останавливаясь лишь для того, чтобы выпить кофе в винной лавке на

углу, а затем поднималась по извилистым дорожкам парка Форт-Трайон на одну из самых высоких точек Манхэттена, влажность уже брала свое. Мое тело, не привыкшее к такой жаре, потело сильно, непрестанно и почти непристойно.

В конце моей первой недели Мойра окинула меня взглядом и сказала, что я всегда могу воспользоваться маршруткой, которая ходит каждые пятнадцать минут от станции до музея. Кроме того, в ней есть кондиционер. Как бы я ни была благодарна за совет, но то, как Мойра сделала шаг назад, увидев меня, раскрасневшуюся и вспотевшую, с растрепанными волосами, не осталось незамеченным. Рейчел, конечно же, спокойно выходила из массивной машины, которая каждое утро в девять часов высаживала ее на верхней подъездной дорожке перед металлическими воротами.

Но даже если влажность была чрезмерной – особенно для меня, чья кожа привыкла к засушливым равнинам восточного Вашингтона, – сам музей был полон прохладных ветерков, которые дули с реки Гудзон и ерошили кроны вязов, похожие сверху на гигантский ковер, расстеленный в воздухе. Это больше напоминало работу в каком-нибудь частном поместье, чем в государственном учреждении. Патрик наблюдал за происходящим из уединения библиотеки.

– Это была его первая работа, – сказала мне Рейчел в конце второй недели, – сразу после окончания университета. Не то чтобы он нуждался в ней. В смысле в работе. Дед Патрика занимался разработкой горных карьеров на севере штата.

Камни, которые использовались для строительства крепостных валов и заполнения брешей в Клойстерсе, добывались компанией его деда. Это была самая крупная частная каменоломня в Нью-Йорке. До шестидесятых годов двадцатого века, когда ее купила компания «Каргилл». Патрик до сих пор живет в семейном доме в Тарритауне. Он приезжает сюда на машине каждое утро.

Я попыталась представить себе молодого Патрика в каменоломне его деда, то, как резко его сияющий загар контрастировал с сырыми и темными уступами на склонах. Иногда сопротивление ребенка наследию своей семьи выражается почти на молекулярном уровне, как будто у организма возникает аллергия на все, что окружает его дома; в противном случае он привыкает, погружаясь обратно в привычную основу и схему традиции. Я всегда относилась к первой категории и, возможно, Патрик тоже.

Рейчел прервала мою задумчивость.

– Может, выпьем кофе?

Раньше я собирала обеды с собой на работу и отказалась от них после того, как заметила, что Рейчел редко обедает, а в основном только выкуривает за день две сигареты и пьет кофе. Я последовала ее примеру, и меня изумило то, как быстро проходит голод и сколько денег я в результате сэкономила.

– Это мой порок, – сказала она однажды, когда я застала ее на краю сада с сигаретой, над которой поднималась тонкая

струйка дыма, в руке. — Ну, во всяком случае, один из них.

Мы вышли из библиотеки и заняли два места в кафе, приютившемся вдоль колонн на краю клуатра Три, который сплошь порос яркими полевыми цветами, а между ними, точно пьяные, жужжали пчелы, едва не сталкиваясь друг с другом. Полдень был настолько теплым и насыщенным нежными звуками природы, что на мгновение мне показалось, будто я — бедная родственница из романа Эдит Уортон, впервые попавшая в мир роскоши и с ужасом ожидающая того дня, когда эта роскошь может исчезнуть, но отчаянно желающая ощутить ее в полной мере, пока есть возможность.

Рейчел положила руку на низкую каменную стену, опоясывающую сад, и сняла солнцезащитные очки; с ее ступни наполовину свисала сандалия. Хотя мы почти все время проводили вместе, между нами практически не было пустых разговоров. В основном мы усердно корпели над текстами, отыскивая упоминания о людях — ведьмах, шаманах, святых, — которые могли предсказывать будущее в тринадцатом или четырнадцатом веке. Часто наши поиски оказывались безуспешными. Наслаждаясь тишиной, я рассматривала скульптуры, установленные в нишах вдоль стен монастыря. Рейчел наблюдала за садом с той праздностью, которую могут позволить себе лишь самые уверенные в себе люди — те, кто отказывается взять с собой на ужин телефон или книгу.

Нам принесли капучино, на каждом блюде лежал неров-

ный кубик сахара. Когда официант ушел, Рейчел достала из кармана короткое коричневое печенье-бискотто. Именно такие продавались на кассе, но я не видела, чтобы она платила за него, когда мы делали заказ.

– Вот. – Она разломила его пополам и протянула половинку мне.

– Ты его украла?

Рейчел пожала плечами.

– Ты не хочешь? Они очень вкусные.

Я огляделась по сторонам.

– Что если кто-то заметит?

– А если и заметят? – Она надкусила печенье и снова подтолкнула ко мне вторую половинку. Я взяла и подержала в руке. – Давай, попробуй.

Я откусила кусочек, а остальное оставила на блюде. Печенье действительно было восхитительным.

– Ну что, я была не права?

Я покачала головой.

– Нет. Совершенно права.

Рейчел откинулась на стуле, удовлетворенная.

– Они еще вкуснее, когда достаются даром.

Я снова оглянулась, желая убедиться, что официант не заметил, как я ем оставшуюся половинку, полученную от Рейчел, но вместо этого мой взгляд задержался на резной фигуре, вделанной в стену, – крылатая женщина держит колесо, рельеф которого изъеден и сглажен временем. На всех ос-

новых точках колеса вырезаны фигурки, на теле каждой из них выгравированы латинские слова.

– Ты можешь разобрать эти слова? – спросила Рейчел, проследив за моим взглядом. – *Regno*, – прочитала она, указывая на фигуру на вершине колеса.

– «Я царствую», – рефлексивно отозвалась я. Она кивнула.

– *Regnavi*.

– «Я царствовал».

– *Sum sine regno*.

– «Я без царства».

– *Regnabo*.

– «Я буду царствовать».

Рейчел положила кусочек сахара в свою чашку и оценивающе посмотрела на меня.

– Знаешь, я слышала на прошлой неделе, что ты читаешь по-латыни. И по-гречески тоже. У тебя есть еще какие-нибудь секреты, Энн из Уолла-Уолла?

«Что такое жизнь без секретов?» – подумала я. Вместо этого ответила:

– Никаких, насколько я могу вспомнить.

– Что ж, мы можем это исправить. – Рейчел протянула руку через стол и взяла остатки моего печенья. Перед моим взглядом мелькнула вспышка красного цвета – атласная лента, резко выделявшаяся на бледной коже ее запястья. Я знала, где я видела эту ленту. В библиотеке, где ее перебирал в

пальцах Патрик.

* * *

После этого мы стали чаще ходить на перерывы вместе. Пока Рейчел курила на краю сада, я составляла ей компанию, сидя на прохладном камне валов, а мои ноги качались среди пучков сочной летней травы, щекотавшей мне лодыжки. Именно тогда Рейчел начала расспрашивать меня. Сначала о моей личной жизни – скудной, если не считать нескольких парней в старших классах и еще меньше в колледже. Затем о моей матери – чем она занималась, где выросла. А также об Уолла-Уолла и Уитман-колледже – какой он, чем знаменит, проводятся ли у нас окружные ярмарки. Энтузиазм ее расспросов удивил меня. Она хотела знать, насколько велик мой родной город (маленький), как давно там живет моя семья (четыре поколения), каково там (жарко до поры до времени, потом скучно), и каковы студенты Уитмана (похожи на студентов Бард-колледжа, но с Западного побережья).

– Я одержима местами, где никогда не была, – сказала Рейчел в качестве объяснения. – И отношениями между людьми. Когда ты ничего не знаешь об обстоятельствах, открывается огромный простор для фантазии относительно того, как может развиваться история.

Но когда я спрашивала о ее отношениях и семье, она всегда меняла тему, тушила сигарету и говорила: «О, это слиш-

ком скучно» или «Лучше расскажи мне о себе», после чего уходила обратно в библиотеку.

Однажды днем я ждала ее на каменной скамье в клуатре Боннефон, где сад был обрамлен готическими арками и витражами. В терракотовых горшках рядом со мной росли ладан и мирра, на узловатых стволах колыхались пушистые белые цветы, их ароматы плыли в лучах позднего послеполуденного солнца. Я наклонилась к цветам и почувствовала, как они коснулись моей щеки.

– У нее есть шипы, разве ты не знаешь?

Он держал ведро с садовыми инструментами, а в передний карман его джинсов, измазанных грязью и порванных, была засунута пара поношенных кожаных перчаток коричневого цвета.

– Мирра, – сказал он, – у нее есть колючки.

И раздвинул ветки, открыв заросли длинных черных шипов.

Я отодвинулась подальше на скамье.

– Она не нападет на тебя.

– Знаю.

Хотя я не могла сказать этого с уверенностью. Было что-то такое в вещах, находившихся в Клойстерсе – произведениях искусства, даже цветах, – что наводило на мысль, будто они могут ожить.

– Египтяне использовали ее для бальзамирования.

– Что?

– Мирра. В Древнем Египте она использовалась для подготовки тел к бальзамированию.

– А в эпоху Возрождения ее носили на шее, чтобы отпугивать блох, – дополнила я, приходя в себя.

Он рассмеялся.

– Меня она пока не отпугнула. Лео, – представился он, ткнув себя грязным пальцем в грудь.

– Энн.

– Знаю, – сказал он, протянув руку и щелкнув по моему бейджику. – Я видел тебя пару раз. Новенькая.

Я кивнула, и Лео опустился на колени рядом со скамьей, отодвигая в сторону листья ладана и доставая пару ржавых, скрипучих ножниц, которые он использовал для обрезки мертвых листьев.

– Ты работаешь с Рейчел?

– И с Патриком.

– Похоже, сейчас они идут в комплекте.

В том, как он это сказал, ссыпая срезанные листья в ведро, был какой-то намек, легкомысленный и жесткий.

– Они мне нравятся, – возразила я, не понимая, почему говорю таким тоном.

Лео откинулся на пятки, и я впервые заметила его широкие ступни, облаченные в крепкие рабочие ботинки, и то, какие у него мускулистые руки.

– Всем нравится Рейчел, – сказал он, глядя в мое лицо. – Разве она может не нравиться?

Меня не удивило, что такой человек, как Лео, мог найти Рейчел привлекательной. Я представила, как он наблюдает за ней в саду, когда она тайком курит, растирает травы между пальцами, а затем наносит их сок себе на шею. Я сопротивлялась настойчивому желанию расспросить его обо всем, что он знал о ней.

Вместо этого я спросила:

– Насколько хорошо ты ее знаешь?

Лео сделал широкий круговой жест рукой.

– Она начала работать здесь осенью, на последнем курсе Йельского университета. Только по выходным, пока она не закончила учебу.

– Ей разрешили работать в соответствии с ее учебным графиком?

Он покачал головой.

– Разве ты не знаешь? Такие девушки, как Рейчел Мондрей, получают все, о чем попросят. – Отщипнул кусок коричневого скотча и обернул им сломанную ветку мирры. То, как нежно Лео придерживал листья, противоречило всему остальному его поведению. – А что насчет тебя, Энн Стилвелл? Получаешь ли ты то, о чем просишь?

Его вопрос и его поза вызвали у меня ощущение, будто я прижата к этой скамье, но я не хотела освобождаться.

– Ты знаешь, что такое иглица колючая? – Он указал на горшок по другую сторону от меня.

– Нет.

– Это представитель семейства спаржевых, но если съесть ее слишком много, это растение может разрушить или уничтожить красные тельца в твоей крови.

Я посмотрела на растение с глянцевыми зелеными листьями и ярко-красными ягодами.

– В Клойстерсе растет много ядов, – сказал Лео. – Тебе придется быть осторожной. Некоторые из ядовитых растений невероятно красивы и выглядят съедобными. Но это не так.

– Ты можешь показать мне? – спросила я, ощутив прилив уверенности в себе – я могу получить то, что хотела. Находиться рядом с Лео было все равно что держать руку над электрическим зарядом – жгучим, пробуждающим зарядом, – к которому у меня никогда не хватало смелости прикоснуться. Теперь я жаждала дотронуться до провода под напряжением.

Он оттолкнулся от земли и встал, направившись к грядке с травами, которые путались и наползали друг на друга; я последовала за ним.

– На этой грядке мы выращиваем болиголов и белладонну, о которых ты, вероятно, слышала. Но у нас растут и другие травы: черная белена и чернокорень, вербена и мандрагора. Все эти травы встречаются в трактатах о средневековой медицине и магии. Фактически весь этот музей засажен ядами и лекарствами, которые использовались в одиннадцатом или пятнадцатом веке. Вон те урны, – он указал на пару вы-

соких каменных сосудов, из которых поднимались деревья, окутанные флером восково-зеленых листьев и розовых цветов, – олеандр. Очень смертоносный, но также очень популярный в Древнем Риме в качестве припарки. Если ты отодвинешь листья в сторону, то сможешь увидеть таблички.

Я наклонилась вперед, в то время как он сдерживал напор цветов болиголова, открывая керамическую плитку, на которой было аккуратно выгравировано латинское название болиголова – *Conium maculatum*.

– Здесь у нас *Catananche caerulea*, – сказал Лео, придерживая между пальцами синий цветок.

Я отодвинула в сторону жилистые стебли, чтобы найти табличку с надписью «Стрела Купидона».

– Считалось, что она излечивает больных любовью, – сказал Лео; его голос звучал низко и так близко к моему затылку, что я почувствовала, как тоненькие волоски на моей шее встали дыбом. Желание прижаться еще ближе к нему удивило меня.

Он подвел меня к другой клумбе, положив мозолистую ладонь на мое плечо. Я чувствовала, как во мне нарастает слепое влечение, которое не ослабло, даже когда я заметила Рейчел, которая стояла под остроконечной аркой, ведущей в сад, и следила за нами. В этом наблюдении было что-то такое, что делало меня смелее: оно заставило меня придвинуться ближе к Лео, когда он переместил руку с моего плеча на спину, и я прикусила губу в предвкушении. Мы подошли

к клумбе, заросшей мелиссой, ее теплые цитрусовые ноты смешивались с лавандой и шалфеем, которые окружали ее.

– Этот аромат будет еще сильнее, если закрыть глаза, – сказал он, зажмуриваясь и делая глубокий вдох. Я увидела, как Рейчел на другой стороне двора подняла бровь.

– Мне нужно идти, – произнесла я.

Лео проследил за моим взглядом и увидел Рейчел по ту сторону клуатра.

– Конечно, – согласился он. – Рейчел всегда получает то, что хочет.

Я хотела, чтобы Лео сказал что-то еще, но Рейчел подняла запястье и показала на часы. Я провела с ним уже почти полчаса.

– Извини, – сказала я, не зная, как прервать странный момент близости.

Когда я присоединилась к Рейчел, она обняла меня за плечи, непринужденно, но властно.

– Весело проводишь время?

– Просто изучаю растения.

– И учителя тоже?

Я не оглядывалась, пока мы не направились по переходу в сторону библиотеки, а когда оглянулась, то заметила, что Лео подстригает густую живую изгородь, усыпанную блестящими черными ягодами. Белладонна, сказал он.

Глава 5

Ночь была жаркой, настолько жаркой, что мой оконный кондиционер не справлялся со своей задачей, а лишь тяжело пыхтел и плевался конденсатом навстречу летней духоте, царившей на улице. Пока небо не начало светлеть, я лежала в постели, ненавидя каждый дюйм простыни, касавшейся моей кожи, и думала о единственном известном мне здании в городе, где было по-настоящему прохладно: о Клойстерсе с его монументальными каменными часовнями и сводами. Я решила, что без четверти пять уже не слишком рано идти на работу.

Если охрана и удивилась моему появлению, то никак этого не показала. Вместо этого мне без торжественных приветствий подсунули чистую страницу книги регистрации на внеурочное время, и я направилась в библиотеку. Статуэтки в галереях отбрасывали узкие тени, расплзавшиеся по стенам. В свете раннего утреннего солнца драгоценные камни реликвариев бросали на пол разноцветные яркие отблески. Мои шаги были единственным звуком, который эхом разносился по коридорам двенадцатого века. Когда я прошла мимо охранника, развалившегося в кресле с закрытыми глазами, то не стала его винить. Здесь было прохладнее и комфортнее, чем в моей квартире.

Дверь в библиотеку была не заперта, но когда я открыла

ее, то почувствовала, что в помещении что-то изменилось: воздух был спертым, в нем ощущался серный запах спичек. Я пошарила по грубой каменной стене в поисках выключателя, прежде чем дверь закрылась, отрезав тот скудный свет, который проникал в помещение. В темноте я выставила руки перед собой и продвигалась вперед, пока не уперлась в один из учебных столов и не нащупала лампу для чтения, затем потянула за шнурок, чтобы зажечь лампочку в зеленом стеклянном абажуре – печальный маяк, который освещал лишь дубовый стол, а не комнату в целом.

Я и не заметила, что в темноте мое дыхание участилось; только сейчас я обратила внимание, что оно пришло в норму.

Шторы во всей библиотеке были задернуты, закрывая го- тические окна, через которые обычно проникало достаточ- но естественного света, чтобы настольные лампы казались лишними аксессуарами. Я подошла к окнам и начала раз- двигать шторы, впуская слабый солнечный свет и наблюдая, как по комнате танцуют пылинки. Возможно, охрана закры- вала шторы каждую ночь, а я просто приехала до времени их обычного открытия? Я распахнула окно, и в комнату во- рвались утренние песни птиц, прогоняя все то, что чудилось мне в темной библиотеке.

Сев за стол, за которым мы с Рейчел обычно работали, я начала распаковывать сумку: положила на столешницу ноут- бук и блокнот, вытащила несколько текстов, которые исполь-

зовала в качестве справочника – монографии о средневековых подходах к астрологии и оракулам, руководство тринадцатого века по толкованию снов. Но тут заметила на столе гладкие красные точки. Когда я подвела ноготь под одну из них, она не поддалась. Я нажимала до тех пор, пока не почувствовала, что точка упирается в ногтевое ложе, и тогда она легко отделилась от стола. Я потерла красный кружок между пальцами. Воск. Восковые капли от свечей? Я собрала капли со стола и аккуратной стопкой сложила их на листе бумаги, отодвинув в сторону.

Мне нравилось находиться в библиотеке в ранний час и в одиночестве. В тот час, когда единственными звуками были мои шаги и шаги охранников, когда освещение было слабым и я могла перемещаться незамеченной. Одиночество, в конце концов, было моим привычным образом жизни, одной из главных причин, по которым академическая наука привлекала меня в первую очередь: возможность остаться наедине с увлекательными предметами и древними историями. Все это я предпочитала идее работы в офисе с болтовней и бесконечными совещаниями, вынужденной атмосферой близости на командных тренингах. Академическая работа избавила меня от всего этого. И за это я была признательна.

К приходу Патрика я пробралась в хранилище, раздвинув два стеллажа достаточно широко, чтобы можно было протиснуться между ними. Мне оставалось надеяться, что нужная мне книга не окажется на нижней полке, так как я не

оставила достаточно места, чтобы наклониться. Я услышала его шаги, прежде чем увидела, как он прошел мимо щели в торце стеллажа, словно привидение. Затем приостановился и вернулся к тому месту, где я стояла.

– Кажется, там слишком тесно, – сказал Патрик, тяжело положив ладонь на рукоятку. Стеллажи сдвинулись. Всего на волосок, но я инстинктивно подняла руку, чтобы упереться в полку. Тесные пространства вызывали у меня клаустрофобию, и от того, что я оказалась в этой тесноте, в то время как Патрик стоял на открытом месте, мое сердце забилося прямо в горле.

– Я не собираюсь придавить вас, Энн, – засмеялся он. – Я видел журнал регистрации. Решили поработать с утра пораньше?

– Не могла уснуть, – сказала я, взяла с полки нужный мне том и выскочила из тесного пространства между стеллажей обратно к тележке, которую я наполняла книгами.

Патрик провел пальцем по названиям.

– Очень хорошая подборка; вы славно потрудились, скомпоновав ее.

Я прижала книгу к груди, смущенная тем, как быстро волнение, испытанное мною между двух стеллажей, переросло в восторг. Мне отчаянно хотелось угодить Патрику, настолько, что я буквально замирала от его слов, от его похвалы за то, как я провожу исследования. Как будто все эти книги были для него и мой ранний приход на работу тоже; я чувствовала

ла, как на моих щеках вспыхивает жаркий румянец.

– Скажите, Энн, – произнес Патрик, читая последнее название, – Ричард говорил с вами о гадательных практиках Италии эпохи Раннего Возрождения?

Я хорошо знала, какую важную роль как минимум один вид гадания – астрология – играл в эпоху Возрождения. Астрология определяла как мелкие решения – например, когда брить бороду или принимать ванну, так и крупные – например, когда идти на войну. Аристократы и римские папы верили, что их расписные потолки – известные сегодня как небесные своды, украшенные созвездиями и знаками зодиака, – могут оказывать на судьбу такое же влияние, как и настоящие звезды. В Венеции я даже некоторое время занималась геомантией – городским обычаем использовать брошенную горсть земли для предсказания будущего. При дворах эпохи Возрождения любили магию и оккультные практики и на удивление ловко умели вписывать их в христианское мировоззрение. Линграф, как я поняла, питал слабость к этой теме, романтический и причудливый интерес, который я всегда относила на счет личных пристрастий, а не академической взыскательности. И в какой-то степени он поощрял этот интерес во мне, а я пестовала и лелеяла это пристрастие.

– Говорил, – признала я. – Но Линграф никогда не стремился к тому, чтобы делиться своей работой даже со мной. Он был благосклонен ко мне. Подбадривал меня. Но никогда не открывался передо мной.

– Верно. Вы упоминали в офисе Мишель о некоторых своих исследованиях...

Я снова задумалась, насколько глубоко Патрик изучил мои документы. Обратился ли он к Линграфу, чтобы узнать больше?

– И что вы думаете обо всем этом? Об этой выставке, над которой мы работаем? – продолжил он. – В общих чертах.

– Я думаю, она отражает ту степень, в которой Возрождение – несмотря на то, что его часто считают эпохой логики и науки, – легко соблазнялось древними практиками, которые включали не геометрию и анатомию, а, скорее, веру в оракулов и мистические традиции. В некотором смысле это было очень... – я выдержала паузу, – антинаучно. В общих чертах, конечно.

– Конечно, – согласился Патрик, глядя на меня.

Я снова поразились тому, насколько он красив. Даже в люминесцентном свете хранилища его подбородок и скулы, казалось, излучали здоровье. В течение первой недели я пыталась выяснить его возраст, проверив дату написания диссертации. Я убедилась, что ему за сорок, может быть, около пятидесяти. Слишком молод, чтобы быть полноправным куратором где бы то ни было, но особенно в Клойстерсе.

– Как вы полагаете, – сказал Патрик, беря в руки выбранный мной том о средневековых видениях и листая его, – почему такие вещи настолько соблазняли их?

– Мы жаждем объяснить окружающий нас мир, – сказала

я. – Чтобы понять смысл неизвестного.

Или, по крайней мере, я знала, что сама жажду именно этого. Это стремление, в некотором роде, универсально.

– Вы никогда не задумывались, – сказал Патрик, подняв взгляд и придерживая пальцем страницу, – что, возможно, в этих практиках есть нечто, во что нам сейчас трудно поверить, но что может быть отчасти... – он посмотрел мне в глаза, – истинным?

– Что вы имеете в виду? Что, изучая положение планет, мы можем предсказать лучший день для... – Я поискала в памяти самый нелепый пример из астрологических манускриптов. – Лечения подагры?

Патрик кивнул, уголки его губ дрогнули в намеке на улыбку.

– Вряд ли, – ответила я, обдумав вопрос. Идея о том, что люди могут предсказывать будущее, наблюдая за движением планет по ночному небу, на протяжении веков захватывала воображение ученых и мистиков. Но, на мой взгляд, верить в астрологию невозможно. Я на собственном опыте убедилась, насколько неумолимой, насколько произвольной может быть судьба. Я была уверена, что мы никогда не сможем познать ее до конца. Тем не менее мне не хотелось разочаровывать его, проявив слишком явный цинизм, поэтому я добавила: – Конечно, люди и сегодня верят в астрологию.

– У нас есть склонность сбрасывать со счетов вещи, которые мы не понимаем, – возразил Патрик. – Отбрасывать их

как устаревшие или ненаучные. Но если вы вынесете что-то важное из вашего пребывания здесь, я надеюсь, что это будет способность воздать этим верованиям должное. Вам необязательно верить в гадания, чтобы они были правдой для аристократа в четырнадцатом веке. — Он отложил книгу. — Даже чтобы они снова стали правдой.

К тому времени, когда я вернулась в библиотеку, лист бумаги с кучкой восковых капель исчез. Я проверила мусорные корзины, но его нигде не было; а ведь мы с Патриком были единственными, кто к этому времени пришел на работу.

* * *

— Ищешь Лео? — спросила Рейчел, затягиваясь сигаретой. Утренняя жара сменилась пасмурным днем, на другом берегу реки собирался дождь, и мы, пользуясь прохладой, сидели на краю клуатра Боннефон, Рейчел держала руку так, чтобы никто не заметил, как она курит.

— Не совсем, — ответила я, хотя это было ложью. Я искала его весь день, даже заходила на кухню, в сад, в туалет для персонала, надеясь, что он пройдет мимо.

— Ты плохо умеешь врать, — хмыкнула Рейчел, туша сигарету и искоса посматривая на меня. — В понедельник он обычно работает в сарае, а не в клуатрах. Не то чтобы тебя это касалось...

Она смотрела на клуатр: посетители с благоговением бро-

дили по кирпичным дорожкам сада, сцепив руки за спиной. Я представила, что так же это место могло выглядеть и пять-сот лет назад.

– Слава богу, жара спала, – заметила Рейчел. Однако не было похоже, чтобы она и до этого страдала от жары или влажности.

– Я сегодня приехала раньше, – сказала я. – Не могла вынести эту духоту. Но когда я пришла в библиотеку сегодня утром, на столе были капли воска. Или, по крайней мере, мне показалось, что это был воск... Как ты думаешь, откуда он мог взяться?

Рейчел посмотрела на крепостные валы, в сторону реки.

– Не знаю, – равнодушно ответила она.

– Как ты думаешь, кто мог зажечь свечи в библиотеке?

– Может быть, в выходные проводилось мероприятие для благотворителей... Ты не поверишь, *что* я находила в библиотеке и даже в галереях после таких мероприятий.

Это казалось правдоподобным. Непохоже, что между отделом мероприятий и отделом кураторства в музее была налажена тесная связь.

– Это просто странно. Зачем кому-то приносить свечи в комнату, полную редких книг?

– Монахи так и делали в старину, – напомнила Рейчел, поднимаясь на ноги.

После этого день прошел быстро, но, несмотря на посеревшее небо, город так и утопал в сырости и безветрии. Мне

было грустно покидать библиотеку в шесть часов вечера – ее прохладные каменные стены уже стали более привычными, чем моя квартира-студия; красота, окружавшая меня днем, каким-то образом делала реалии моих ночей еще гаже.

Когда я шла по галереям и под высокими сводами переходов по пути к маршрутке, мои мысли были заняты жарой. Я не была готова к ней, к духоте. И уже начала думать, хватит ли у меня денег на новый оконный кондиционер; в двух кварталах от моей квартиры был магазин бытовой техники. Но когда я начала сопоставлять расходы на холодный воздух с реалиями моего бюджета, то поняла, что мне нужно подсчитать, останется ли у меня после этого хоть что-нибудь. Я хотела открыть калькулятор на своем телефоне, но поняла, что оставила его на стуле в библиотеке. Обратно я шла быстро, но, обойдя клуатр Боннефон, увидела их двоих – Рейчел и Лео; они стояли у арки, ведущей в садовый сарай, и увлеченно беседовали. Рейчел прислонилась к стене, ее руки были сцеплены за спиной, а рука Лео упиралась в камень над ее головой.

Не раздумывая, я остановилась за одной из колонн и наблюдала за происходящим с другого конца сада. Я слышала смех Рейчел, когда она вытряхнула из пачки сигарету, зажгла ее и протянула Лео. Он не взял у нее сигарету, однако медленно поднес ее руку ко рту, после чего сделал затяжку. Раздраженная, Рейчел вырвала руку и спрыгнула с низкой стены, оставив Лео одного.

Я воспользовалась этой возможностью, чтобы незаметно пробраться в библиотеку. Мне потребовалось несколько минут, чтобы найти свой телефон: было слишком трудно сосредоточиться на чем-либо, из-за смеси ревности и желания у меня ныли ладони. Держа телефон в руке, я уже собиралась навалиться плечом на деревянные двери библиотеки, когда услышала голос Патрика, доносящийся с другой стороны:

– Думаю, пора ввести Энн в курс дела.

– Слишком рано, Патрик, – ответила Рейчел.

– Она здесь для того, чтобы приносить пользу.

Патрик понизил голос, и мне пришлось прислониться всем телом к двери, приложив ухо к стыку створок. Когда Рейчел заговорила снова, я почувствовала недовольство в ее голосе даже сквозь толстую, пропитанную влагой древесину:

– Мы еще не знаем, можно ли ей доверять. Хотя она уже проявляет любопытство. Ты знаешь, что она нашла воск? Она спрашивала тебя о нем?

– Я уладил это.

Потом наступила тишина, только стук моего пульса отдавался в ушах.

– Да ладно, – проговорил Патрик; его голос звучал мягко, раньше я не слышала от него подобных интонаций. – Давай не будем ссориться из-за этого. Ты хотела, чтобы она была здесь.

– Я думаю, она может помочь, – уступила Рейчел, и я почувствовала, что этот разговор касается не только выставки,

но и чего-то бóльшего, что я пока не могла осмыслить.

– Иногда приходится рисковать, – настаивал Патрик. Потом последовала пауза. – Ты мне доверяешь?

Рейчел, должно быть, кивнула, потому что он добавил:

– Вот так-то. Ты же знаешь, что она вряд ли оказалась здесь случайно.

Ручка двери начала поворачиваться, и я поспешила в дальний конец библиотеки, а затем проскользнула в хранилище, прежде чем дверь успела открыться. Пробралась через коридор для персонала, мимо кухни. В плохо освещенном коридоре я шла, низко пригнув голову, и почти добралась до вестибюля, прежде чем буквально налетела на Лео.

– Ты в порядке? – спросил он, придерживая меня за плечи и осматривая с ног до головы.

– Да. Извини. Я... – Я была слишком взволнована, слишком запыхалась от спешки, чтобы сказать что-нибудь осмысленное.

– Притормози, Энн. Это музей. Здесь не нужно спасать чьи-то жизни.

– Ага, знаю, – выдохнула я. – Я просто пыталась успеть на маршрутку.

– Она только что отчалила, – сказал он, делая шаг назад.

– Черт...

– Почему бы нам не пройтись? – Лео жестом предложил мне идти впереди него. Движение его руки напомнило мне о том, как он держал эту самую руку над головой Рейчел –

жест силы и собственничества. Я хотела, чтобы эта рука вознеслась у меня над головой, чтобы она обхватила мою талию, мои плечи, такая твердая и крепкая...

Мы вышли из темноты музея под сень парка, где извилистые дорожки с причудливой ритмичностью пересекали травянистые участки. Лео шел рядом со мной, время от времени напевая несколько тактов из незнакомой мне песни.

Когда мы прошли мимо группы детей, которые шли вереницей, держась за руки, словно цветочная гирлянда, он повернулся ко мне и спросил без предисловий:

– Почему ты здесь?

– А почему ты спрашиваешь?

Его вопрос был слишком резким. Он напомнил о том, что я была здесь новенькой и неопытной, даже нежеланной сотрудницей – как будто я этого еще не знала!

Отчасти я понимала: будет лучше игнорировать то, что я видела и слышала в тот день, выстроить барьер между собой и Лео, Рейчел, Патриком. Между миром музея и тем, что мне было нужно для достижения цели – поступления в аспирантуру, жизни за пределами Уолла-Уолла. В вопросе Лео содержался намек, который начал беспокоить и меня: «Почему ты вмешиваешься в наш мир?»

Должно быть, я молчала слишком долго, потому что он добавил более мягко:

– Я имею в виду, почему не Лос-Анджелес, Чикаго или Сиэтл? Почему Нью-Йорк?

Я махнула рукой по кругу, чувствуя облегчение.

– Я слыхала, что это самый лучший город в мире.

Лео засмеялся.

– Дай ему время, он себя еще покажет.

Последний ребенок рысцой пробежал мимо нас, ведя свободной рукой по верхушкам травы – здесь она была высотой по колено.

– Наверное, все дело в искусстве, – сказала я, глядя на его профиль. Хотя другие причины я держала при себе: тысячи миль от лютеранского кладбища, где был похоронен мой отец, большой город, который никогда не упрекнет тебя за твои амбиции, даже если другие могут упрекнуть. Мы шли бок о бок, руки Лео были засунуты в карманы, грудь его наискосок пересекал ремень наплечной сумки. – Это единственное место, где я могу заниматься работой, которой хочу заниматься, – заключила я.

– И что ты готова отдать за эту работу?

В этом вопросе скрывался какой-то подтекст, и я засунула руки в карманы и пожала плечами, не желая еще больше раскрываться перед этим человеком, ведь я еще так мало о нем знала.

Лео подтолкнул меня плечом.

– Не все здесь такие чувствительные, – заметил он. – Тебе не стоит принимать вопросы так близко к сердцу. А если принимаешь и не хочешь на них отвечать, просто скажи людям, чтобы отвалили. Я просто пытаюсь понять, понравится

ли тебе здесь. Кстати, большинству людей безразлично, нравится им работа или нет, они просто ее делают. Но мне нравится. Нравится садоводство, по крайней мере. Работа, как ты сказала. Хотя я и ненавижу посетителей. Иногда, в тихие дни, я могу представить, что всё в Клойстерсе так, как было когда-то давно. До начала индустрии туризма. До эпохи платных впечатлений.

– Мне Клойстерс всегда представляется примерно таким. Отдельный мир.

Мы добрались до станции метро, вход в которую был встроен в скальный выступ, а по бокам его каскадом стекал плещ. Казалось, что эта станция находится в Риме, а не на северной оконечности Манхэттена.

– Это твоя станция, – сказал Лео, кивнув на лестницу.

– Спасибо, что прогулялся со мной, – сказала я, смущенная тем, как по-детски это прозвучало: словно мы гуляли, держась за руки, как те дети, которые нам встретились.

– Мне нравится гулять с тобой, Энн Стиллуэлл. – Он помолчал. – Это невероятное место – и город, и Клойстерс. Только не позволяй им изматывать тебя. Вместо этого пусть они тебя закаляют.

* * *

На следующий день дождь непрерывно отстукивал свой ритм по окнам библиотеки, где работали мы с Рейчел. Ско-

рость, с которой ей удавалось поглощать тексты, по-прежнему изумляла меня; читала она быстро и внимательно. Когда дождь наконец прекратился, Рейчел встала, вышла из-за стола и постучала в дверь кабинета Патрика. Почти час я наблюдала за дверью краем глаза, отгоняя мысль о том, что, если пройдет еще пять минут, я успею подобраться поближе и, возможно, уловить пару слов из разговора, разворачивающегося внутри. Но как раз в тот момент, когда я уже собиралась изучить полки, расположенные ближе всего к кабинету, Рейчел вышла, придерживав за собой дверь так, что та закрылась с легким шорохом.

– Патрик хочет знать, придешь ли ты на ужин к нему домой в пятницу, – сообщила она, садясь напротив меня.

Я не могла не думать о том, что услышала через дверь библиотеки накануне, но если сейчас в словах Рейчел и прозвучала нотка смирения с неизбежным, я не могла ее уловить.

В Уитман-колледже меня никогда не приглашали на ужин в дома преподавателей. Несмотря на то, что школа была небольшой, разделение между студентами и сотрудниками сохранялось. Такие ужины, в конце концов, могли стать поводом для домыслов о неподобающих отношениях. Но мне было любопытно взглянуть на дом Патрика с тех пор, как Рейчел впервые упомянула о нем, и приглашение показалось мне долгожданным посвящением.

– Это традиция, – продолжила она. – Обычно я прихожу туда раз в неделю. Иногда бывают и другие гости. Это боль-

ше похоже на интеллектуальный салон. На этой неделе это будет Аруна Мехта, хранитель редких рукописей в библиотеке Бейнеке.

– Я не знаю, как добраться до Тарритауна, – сказала я, начиная беспокоиться о том, как приехать туда в презентабельном виде, не вспотев от ходьбы или езды в душном метро.

– Мы можем поехать вместе, – предложила Рейчел, протягивая руку. – Я заеду за тобой в пять.

Глава 6

В пятницу Рейчел заехала за мной на черном авто, за рулем которого сидел водитель.

– Я привезла тебе несколько вещей, – сказала она, протягивая огромную, до отказа набитую сиреневую сумку. – Надеюсь, ты не против. Это одежда.

– Ты купила мне новую одежду? – спросила я, доставая из сумки юбку, на которой все еще висела бирка.

– Нет. Конечно, нет. Я разбирала свой гардероб и подумала, что тебя могут заинтересовать некоторые из этих вещей. Я ни разу не надевала большую часть из них. Я собиралась отдать их на благотворительность.

То, как непринужденно Рейчел это сказала, заставило меня поверить, будто в этом не было ничего особенного, но в голове у меня промелькнула мысль: не устала ли она каждый день смотреть на мои унылые наряды, на мои экономные одежки из смеси хлопка и полиэстера? Я просмотрела несколько вещей, благоговейно ощупывая ткань. Неудивительно, что Рейчел всегда выглядела настолько потрясаяще.

– Спасибо, – произнесла я.

– Не хочешь переодеться во что-нибудь?..

Это был мягкий намек, достаточно мягкий, чтобы я не сгорела от стыда на месте, но достаточный для того, чтобы я взглянула на брюки-слаксы, которые выбрала для этого ве-

чера. Уже само слово «слаксы» сделало мою ошибку очевидной.

– Ты не против подождать?

– Нисколько. Джон, ты можешь сделать круг по кварталу? – спросила Рейчел у водителя, и тот ответил утвердительно. – Я поднимусь с тобой.

– Нет! – Мысль о том, что Рейчел окажется в моей тесной студии, увидит мою одежду, развешанную на бельевой веревке, которую я протянула к пожарной лестнице, как это делали все мои соседи, грязную посуду в мойке, попытается втиснуться на единственный участок моего дивана, не заваленный книгами и записями, заставила меня задохнуться от паники. – Я имею в виду, я постараюсь побыстрее. Нет необходимости.

– Там есть черное платье, которое идеально подойдет. Оно простое. Это то, что надела бы я сама.

Наверху, роясь в сумке, я радовалась, что Рейчел нет рядом, что она не рассматривает единственную комнату, которую я снимала. Чтобы сделать ее более похожей на дом, я повесила на стену фотографию своих родителей в рамке и еще несколько открыток с произведениями живописи, которые никогда не видела в реальной жизни, но которыми практически непрерывно занималась в Уитман-колледже: череда фресок из дворца Скифанойя в Ферраре. Название «Schifanoia» происходит от словосочетания *schivar la noia*, то есть «спастись от скуки». Дворец удовольствий на окраине Феррары,

где Борсо д'Эсте, эксцентричный правитель могущественного герцогства, расписал весь банкетный зал сценами из зодиака. Там было изображено шествие Венеры, которая ехала на повозке, влекомой лебедями. Под ней благословлял ее путь великолепный Телец – бык желтовато-коричневой масти, бока которого были усеяны золотыми звездами. Борсо задумал этот зал, чтобы произвести впечатление на своих гостей – астрология как отображение власти, как символ удачи. Но некоторые ученые утверждали, что дело не только в этом – дескать, Борсо и астрологи эпохи Возрождения, которые проектировали зал, считали, будто картины с изображением небесных тел могут оказывать такое же влияние на судьбу человека, как и настоящие звезды над головой. Будто нарисованное изображение Льва способно благотворно повлиять на гороскоп того, кто смотрит на него – в данном случае Борсо. Возможно, это и есть искусство в его самом высоком смысле. Это был тезис, к которому Линграф всегда призывал меня относиться серьезно.

Я переоделась в черное платье прямого силуэта и собрала свои кудрявые волосы в низкий хвост, взгромоздившись на недавно полученную от матери коробку, чтобы иметь возможность рассмотреть свое тело в маленьком зеркале в ванной. Разница была поразительной: прическа слегка романтическая в своей необузданности, декольте достаточно глубокое, чтобы выглядеть сексуально, а сам покрой свободный и удобный: платье облегало бедра как раз в нужном месте, что

вполне подходило для салона – первого, куда меня пригласили. Рейчел вряд ли надевала его больше одного, может быть, двух раз; оно было похоже на вещь, которую никогда не стирали. Я поборола желание порыться в сумке и посмотреть, какие еще вещи подарила мне Рейчел; вместо этого сбежала обратно по лестнице. Я не хотела, чтобы она ждала.

– О, я знала, что это будет идеально, – сказала Рейчел, когда я села в машину рядом с ней. Compliment прозвучал так же естественно, как ощущалось прикосновение ткани платья к моей коже.

Мы ехали на север, вернее, еле-еле тащились по переполненному шоссе, Рейчел что-то набирала на телефоне, а я наблюдала, как высотки медленно уступают место зеленым окраинам, пока водитель не свернул на поворот, ведущий к выезду с шоссе, после чего машина покатила по тихим улочкам, свободным в обоих направлениях. Рейчел ничего не говорила, и я, не желая показаться слишком настойчивой, слишком нетерпеливой и отчаянной, тоже сохраняла молчание. Наконец, когда мы остановились на длинной гравийной дорожке, Рейчел сунула телефон обратно в сумку и сказала:

– Мы на месте.

Моему взору предстал дом – великолепное сочетание серого камня и окон в свинцовом переплете, частые перекрестья которого делили стеклянные панели на крошечные квадратики. Круговую подъездную дорожку окаймляли бальзамические пихты и буки; парадная дверь представляла

собой готическую арку, обрамленную подстриженным самшитом. Во многих отношениях это место напоминало мне Клойстерс – цвет камня, готическая эстетика и даже то, как подъездная дорога создавала атмосферу загадочности, дразня водителя неспешной демонстрацией то каменного дымохода здесь, то состаренного медного флюгера там. Мне было интересно, будет ли Джон ждать нас все это время, просто сидя в машине и жуя припасенные в багажнике бутерброды, как ждал в будни Рейчел перед музеем.

Никто не встретил нас у двери. Рейчел просто вошла в овальное фойе, куда вела каменная лестница. Слева от нас находилась библиотека, и пока Рейчел вела меня через нее, я изо всех сил старалась запомнить подробности увиденного. Это был мой первый взгляд на дом ученого: страницы рукописей в рамке и триптих, выполненный в технике энкаустики¹⁷, стол, заваленный белыми игральными костями странной формы, полки, заставленные книгами в кожаных переплетах. Это была богатая и тщательно подобранная коллекция, которая, как я была уверена, далеко превышала размеры зарплаты Патрика в Клойстерсе. Я хотела задержаться: потрогать толстую ткань диванов, ощутить под пальцами прохладное красное дерево столов, но Рейчел уже пересекла помещение, как будто ничего особенного здесь не видела, и ждала меня у двойных французских дверей, распахнутых

¹⁷ Энкастика – техника живописи, в которой связующим веществом красок является воск, придающий яркости и сочности краскам.

настежь в летний вечер.

С выложенной плиткой террасы перед библиотекой открывался вид на Гудзон, где мост Таппан-Зи соединял округи Рокленд и Уэстчестер. Воздух был наполнен дымкой и монотонным жужжанием насекомых. Под полосатым тентом сидели Патрик и какая-то женщина, в руках они держали запотевшие от влажности бокалы. Женщина была настолько невысокой и худой, что почти не занимала места в кресле, но ее платье яркого кораллового цвета с золотыми акцентами делало ее присутствие весьма заметным. Здесь нас было всего четверо, и такого числа присутствующих было слишком мало, чтобы считать это салоном; скорее просто скромный званый ужин.

По какой-то причине – возможно, из-за обстановки, библиотеки, стеклянных окон, помутневших от времени, – я ожидала, что на террасу выйдет слуга и спросит, что нам принести. Поэтому была удивлена, когда Патрик встал и прошел в дверь в дальнем конце внутреннего дворика – как я узнала, там располагалась кухня, – и сам приготовил нам напитки.

– Коктейль «Негрони», – объяснил он, протягивая мне тяжелый граненый хрустальный бокал.

Я сообразила, что женщина, сидящая в кресле, была Аруной Мехтой, пенджабиейкой¹⁸ из Оксфорда. Они с Патриком вместе учились в аспирантуре – по ее словам, их дружба

¹⁸ Пенджаб – штат на северо-западе Индии.

длилась почти двадцать лет. Ее блестящие волосы были элегантно уложены на темени, на шее висели очки для чтения. Прежде чем сесть, Рейчел поцеловала ее в обе щеки. Даже если это было обычное для них приветствие, интимность жеста и то, как уверенно Рейчел его исполнила, удивили меня. Ни один преподаватель никогда не приглашал меня в гости и тем более не допускал такой близости.

– Вы здесь в первый раз? – спросила Аруна, жестом указывая на открывающийся вид.

– Да, – ответила я. – Это невероятно.

– Спасибо, – сказал Патрик, поднимая бокал. – Но это не моя заслуга.

– Твоя заслуга в том, что дом был мастерски отреставрирован. – Аруна прикоснулась своим бокалом к нашим. – Ваше здоровье.

– Да, это мне оказалось по силам. – Патрик улыбнулся.

– Большинство кураторов так не живут, – сообщила Аруна, подавшись в мою сторону и изображая конфиденциальность. Ее присутствие ощущалось как спасательный круг. – Патрик уникален в этом отношении. Как и во многих других.

Патрик рассмеялся, и я впервые заметила, что у него на щеках, под щетиной, видны неглубокие ямочки. Я удивилась, почему в этом доме с ним никто не живет – ни жена, ни семья, ни даже экономка. Здесь наверняка десятки комнат.

– Аруна, остановись, – сказал Патрик без тени предупреждения в голосе.

– Рейчел знает. – Аруна подмигнула.

Это было указание на то, насколько я не в курсе происходящего. Возможно, это было намеренное напоминание о том, сколько раз Рейчел пила «Негрони» на террасе у Патрика, о том, что она могла знать, как выглядел дом до реставрации. О том, что она знала Аруну еще в Йельском университете, она сама рассказала мне. И в то время как я в студенческие годы была обделена вниманием значимых преподавателей, Рейчел уже была признана неординарной персоной, той, к кому следовало присмотреться. Я напредила себе, что именно за этим в первую очередь и приехала в Нью-Йорк: чтобы переделать себя в кого-то наподобие Рейчел. В кого-то, кого люди воспринимают всерьез, в кого-то, кого я могу воспринимать всерьез.

– Вы слышали о том, что происходит в музее Моргана? – спросила Аруна. – В этом году в качестве темы была предложена история оккультизма эпохи Возрождения.

– Да, – сказал Патрик. – Я предложил им, чтобы Рейчел вела семинар по Таро.

Рейчел наклонилась ко мне и прошептала на ухо:

– Они отказали.

– Вместо нее выступать буду я, – добавил Патрик.

– Забавно, что после стольких лет утверждений, будто эта тема не стоит изучения, они решили вынести ее на обсуждение в то же самое время, когда вы работаете над выставкой о методах гадания... Не правда ли, Патрик? – Аруна откусила

кусочек апельсинового кружка и задумчиво прожевала его.

– Что-то витает в воздухе, – произнесла Рейчел, делая глоток «Негрони», и твердый кубик льда звякнул о стенку ее бокала.

– А вы, Энн? – Аруна вытерла конденсат, капавший с ее бокала на платье. – Эти двое уже заставили вас уверовать?

– Боюсь, пока нет. – Я пыталась понять суть этих разговоров, понять то, почему Патрик и Рейчел, а теперь и Аруна, говорили о картах Таро и гадательных практиках так, будто это могло быть реальностью. Эти разговоры выглядели как шутка. Я беспокоилась, что это раскроется только тогда, когда я окончательно соглашусь поверить в невероятное. И все это, конечно же, ради того, чтобы посмеяться надо мной.

– Ах, еще нет? – переспросила Аруна. – То есть у нас еще есть время убедить тебя?

– Не нужно убеждать, – вмешался Патрик, который наклонился вперед в своем кресле, опершись локтями на колени и обхватив ладонями свой бокал. – Человек должен быть открыт для понимания процесса. Попытаться понять, почему эти практики имели такое значение. И почему они все еще могут иметь какое-то значение. Мы говорим о системах верований, которые сформировали нашу манеру говорить о судьбе даже сегодня. Возьмите Таро...

– Да, но Таро, – перебила Аруна, – стало частью оккультизма только в восемнадцатом веке. Прежде это была просто карточная игра. Что-то вроде бриджа, в который играла

аристократия. Четыре человека, сидящие за столом, тасуют и сдают обычную колоду карт. И только после того, как в дело вмешался шарлатан Антуан Кур де Жебелен, карты Таро превратились в нечто более... – Она развела руками. – Мистическое.

– Жебелен, – сказала Рейчел, повернувшись ко мне лицом, – был печально известным плутом при французском дворе восемнадцатого века. И он предположил, что в создании колоды Таро участвовали египетские жрецы, использовавшие Книгу Тота, а не итальянцы пятнадцатого века. Разумеется, колода состоит из четырех мастей, как и наша обычная, плюс двадцать две карты, которые мы сейчас называем Большими, Великими или Старшими Арканами. Такие, например, как карта Верховная Жрица, которая раньше была Папессой.

По мере того как сумерки сгущались, я начала замечать вспышки света, которые двигались зигзагами, оставляя неоновые следы. Светлячки, озаряющие наш разговор осязаемой магией природы.

– На фоне увлечения Египтом, которое царило во Франции восемнадцатого века, – продолжала Рейчел, – и в атмосфере двора, любившего загадки и тайны, Таро получило совершенно другое применение. Но я думаю, что до сих пор есть аргументы в пользу оккультного использования этих карт в пятнадцатом веке, особенно где-то в окрестностях Венеции, Феррары и Милана. Этот район был своего рода зо-

лотым треугольником для экспериментальных магических практик. Видите ли, мы знаем, что аристократы в первые годы Возрождения были увлечены древними практиками гадания – такими вещами, как геомантия и клеромантия. Так почему бы им не использовать карты? Доминиканцы были категорически против колод Таро. Мы знаем, что Генрих Третий обложил их налогом во Франции. Мы знаем, что в начале шестнадцатого века в Венеции кто-то был арестован за гадание на картах. И в исторических записях есть многочисленные указания на то, что карты Таро были поводом для громких скандалов – эту фразу, я думаю, мы можем трактовать по-разному.

Я перевела взгляд с нее на Патрика, который откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы.

– И конечно, – продолжала Рейчел, – мы не можем рассматривать образы Старших Арканов – Луна, Звезда, Колесо Фортуны, Смерть, Влюбленные – без признания того, что повсеместный интерес к оккультизму в пятнадцатом веке в Италии мог повлиять на образы, если не на значение карт Таро.

В юности я ни за что не смогла бы поверить в то, что нечто вроде гороскопа или Таро может дать мне какие-то преимущества, показать очертания моего будущего. Такая вера была роскошью, которую я не могла себе позволить. И мне было слишком больно представить, что звезды могли предупредить меня о смерти отца, хотя я знала, что древние римляне

с этим не согласились бы. Возможно, и эти трое тоже.

– Но, конечно, – заметил Патрик, – Рейчел пока не смогла собрать все необходимые материалы, чтобы доказать эту теорию. А многие из нас пытались сделать это.

В том, как он произнес «пытались», была какая-то резкость, ожесточение и обида. И я поняла, что этот проект принадлежал не только Рейчел, но и ему. Возможно, проект оказался провальным. Патрик при каждой возможности намекал, что тут кроется нечто большее, чем просто исследование, что-то реальное и осязаемое, а Рейчел все еще питала сомнения. Хотя я заметила, что она предпочитает не высказывать их при Патрике.

– Только подумайте, какую весомость это придаст сегодняшней практике – если мы узнаем, что существует колода карт пятнадцатого века, старинная колода... может быть, даже самая ранняя – которая использовалась для той же цели, – заключил Патрик.

– Но записей об арестах очень мало, – сказала Рейчел. – И еще меньше упоминаний о практике гадания.

– Возможно, записей об арестах и не могло быть, – заявила я, обретя голос. – Я не могу представить, чтобы Борсо или Эрколе д'Эсте арестовали кого-то за что-либо подобное в Ферраре. – Семья д'Эсте обосновалась в Ферраре в тринадцатом веке, они правили склонным к мистике и разврату герцогством, которое было столь же суеверным, сколь и амбициозным. – Я не могу представить, чтобы они подписали

что-то подобное.

– Я тоже, – согласилась Рейчел.

Солнце опустилось в Гудзон, придав реке золотисто-черный оттенок, но Рейчел смотрела не на закат, а рассматривала меня, как будто увидела впервые. На ее губах играла благодарная улыбка.

– Пойдемте внутрь и покажем Энн, как это работает, – предложил Патрик, хлопнув себя ладонями по коленям и переключив внимание на Рейчел.

Все они поднялись, но я на миг задержалась в кресле, размышляя, что ждет меня внутри и хочу ли я знать, что именно они собираются мне показать. Слова Патрика, сказанные накануне, преследовали меня – «пришло время». Я чувствовала странную смесь сомнения и доверия – страх, что я не смогу принять веру, которую они так настойчиво пытаются мне внушить, и в то же время страх, что я смогу ее принять. Легче легкого. Когда Рейчел дошла до двери в гостиную, она обернулась в мою сторону, и тут же, как по команде, я встала и пошла за ней.

В гостиной они собрались вокруг низкого кофейного столика, с которого Патрик убрал книги. Хозяин дома держал в руках колоду карт, более широкую, чем обычная игральная колода, и более толстую, с потертыми краями. На «рубашке» карт была изображена череда желтых солнц, расположенных на шестиугольных плитках глубокого оранжевого цвета. Патрик положил колоду на стол и выжидающе по-

смотрел на меня.

– Тасуй, – кивнул он мне.

Желание нервно расхохотаться было непреодолимым. Я хотела рассмеяться, чтобы они все поняли, что я тоже участвую в шутке. Ведь это должно было быть шуткой, не так ли?

– Давай. Тасуй, – приказала Рейчел.

Я опустила на колени рядом с кофейным столиком и взяла колоду в руки. Она была приятно потертой, но когда я попыталась развернуть карты веером, они сопротивлялись.

– Нет, – сказал Патрик, – разложи их. Прикоснись к ним. Заряди их своей энергией. Затем собери их обратно в стопку и раздели колоду на три части.

Разложив карты на столе, я изо всех сил постаралась коснуться каждой из них. Я была уверена, что они старые – не расписанные вручную и не сделанные из пергамента, но, тем не менее, их использовали не менее двухсот лет. Это была первая колода карт Таро, которую я когда-либо держала в руках, и, пусть и мимолетно, я подумала, не чувствуют ли карты это по моей энергии, – прежде чем осознала всю абсурдность этой мысли. Но сидя здесь, в гостиной Патрика, в окружении собрания средневековых артефактов и редких книг, под пристальными взорами трех моих наставников, я поневоле задумалась, пусть даже на мгновение, возможно ли это. Возможно ли в это поверить? Карты в моих руках словно наэлектризовались и льнули к моим пальцам.

Когда я закончила тасовать колоду, Патрик разложил пять

карт «решеткой», лицевой стороной вверх. Иллюстрации были скудными, но насыщенными магическими символами – уроборос на карте Фортуны, лев на карте, обозначающей Силу, власть. Младшие Арканы отличались сдержанностью – Тройка Жезлов, тонко прорисованная на голубом фоне, Пятёрка Пентаклей с символами зодиака на фоне эвкалиптового зеленого. И карта с надписью «Защита», иллюстрированная водной гладью до горизонта, на переднем крае которой плескались и плавали морские существа. Я смутилась, обнаружив, что меня буквально притягивает это изображение, поэтому протянула руку через стол и взяла одну из карт – Тройку Жезлов, чтобы поближе рассмотреть надпись.

– Это колода Эттейллы, – пояснила Рейчел. – Оригинал. Одна из первых оккультных колод, когда-либо напечатанных. Это издание тысяча восемьсот девяностого года.

– Что это значит? – спросила я, возвращая карту на прежнее место и глядя на Патрика.

Тот изучал лежащий перед ним расклад.

– Мы видим здесь, – сказал он, указывая на карту, полную морских существ, – океан возможностей, власти, исследования, но также и самопоглощения. Уроборос, конечно же, символ возрождения, смерти и саморазвития. Лев – карта силы, сдерживаемой Младшими Арканами, которые напоминают нам о равновесии в желаниях.

Пока он говорил, я обнаружила, что пытаюсь применить эти карты к своей жизни, стараюсь найти смысл в их мрач-

ных образах. В изображении уробороса, вечно вынужденного пожирать самого себя, слышалось эхо из моего прошлого, которое я не была готова услышать.

– Это колода, – произнесла Рейчел, прервав мою задумчивость, – которая, как мы знаем, использовалась для гадания. Но нам нужно найти набор карт пятнадцатого века, по которому можно было бы определить, что он использовался для того же самого. Колоду, чьи образы явно заимствованы из других гадательных практик, или архивные материалы, которые позволили бы нам сделать такой вывод о существовавших колодах.

– Существует множество разрозненных одиночных карт пятнадцатого века, – добавила Аруна, – но полные или относительно полные колоды Таро того времени, как в библиотеке Бейнеке и музее Моргана, невероятно редки. Гораздо чаще встречаются полные колоды более поздней эпохи. Печатание, в конце концов, позволяло создавать главную колоду и множество ее копий. Когда колоды изготавливались художниками вручную, такое случалось редко.

– И, вероятно, их было мало, – сказала я, отводя взгляд от колоды. Я не могла представить, что прагматичные флорентинцы или жители Рима стали бы предаваться подобным увлечениям, но с удивлением обнаружила, что, едва эти фантазии обрели словесную форму, как я ощутила в них зерно возможности.

– Это было бы большим прорывом, – произнесла Рей-

чел, — не только в истории искусства, но и в истории оккультизма — найти такую колоду. Это придало бы смысл практике, которую так много людей используют сегодня. Этому. — Она жестом указала на разложенные между нами карты.

Хотя мне часто говорили, что в истории эпохи Возрождения не осталось ничего нового для изучения, но в этой идее, несомненно, присутствовало нечто новое. Не просто новое, но магическое и восхитительно таинственное. И если в других обстоятельствах я могла бы отмахнуться от этой идеи, то сейчас чувствовала, как сильно она меня манит. В кои-то веки можно было вернуть магию вещи, у которой ученые эту самую магию отняли. Разве не для этого, в конце концов, мы вообще стали учеными и исследователями? Чтобы открыть для себя искусство как практику, а не только как экспонат?

* * *

Мы вернулись во внутренний дворик, чтобы съесть ужин, который Патрик принес с кухни — он сам приготовил его на гриле из овощей, трески и ломтиков хлеба по-деревенски. Несмотря на то, что сначала я решила, будто для ведения столь обширного хозяйства Патрик должен иметь целый штат прислуги, стало ясно, что он с удовольствием обходится своими силами. Мы ели, усевшись вокруг маленького столика, а не в большой столовой, как я предполагала вначале. Когда мы всё съели и откинулись на спинки кресел, вечер-

ний воздух еще не успел остыть после дневного зноя, Рейчел встала и забрала свою и мою тарелку, после чего Патрик присоединился к ней с остальной посудой. Я наблюдала, как они скрылись в кухне, и тусклый свет в помещении высвечивал лишь размытые силуэты этих двоих. Мы слышали стук тарелок и кастрюль, которые отправлялись в посудомоечную машину и раковину.

– Они могут немного задержаться, – сообщила Аруна, достала сигарету и предложила мне другую, потом в темноте на кончике ее сигареты затлел огонек. Наш стол освещался только язычком пламени единственной керосиновой лампы в стеклянном абажуре, оплетенном проволоочной сеткой.

– Мне пойти помочь? – спросила я, делая вид, что встаю.

– Нет, – сказала она, положив ладонь на мою руку. – Им не нужна твоя помощь.

То, как она это произнесла – с едва заметной ноткой предупреждения, – застало меня врасплох.

– О, понятно.

– Ты знаешь, во что ты ввязываешься, Энн? – Аруна выпустила облако дыма.

– Думаю, да. – Я видела, что она выпила по меньшей мере четыре бокала вина, и подумала, не это ли заставило ее разоткровенничаться со мной, пока мы сидели вдвоем на террасе.

– Я так не думаю. – Аруна смахнула немного пепла с кончика сигареты на камни двора. – Ты должна держаться по-

далее от этого. — Она жестом указала на дверь в кухню. — Мы, все остальные, не лезем в это. Мы понимаем, что так лучше. Там нет места для тебя или меня, Энн. Наше место здесь, на террасе. Не в доме. Нам не нужно знать, что происходит в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.